

смена

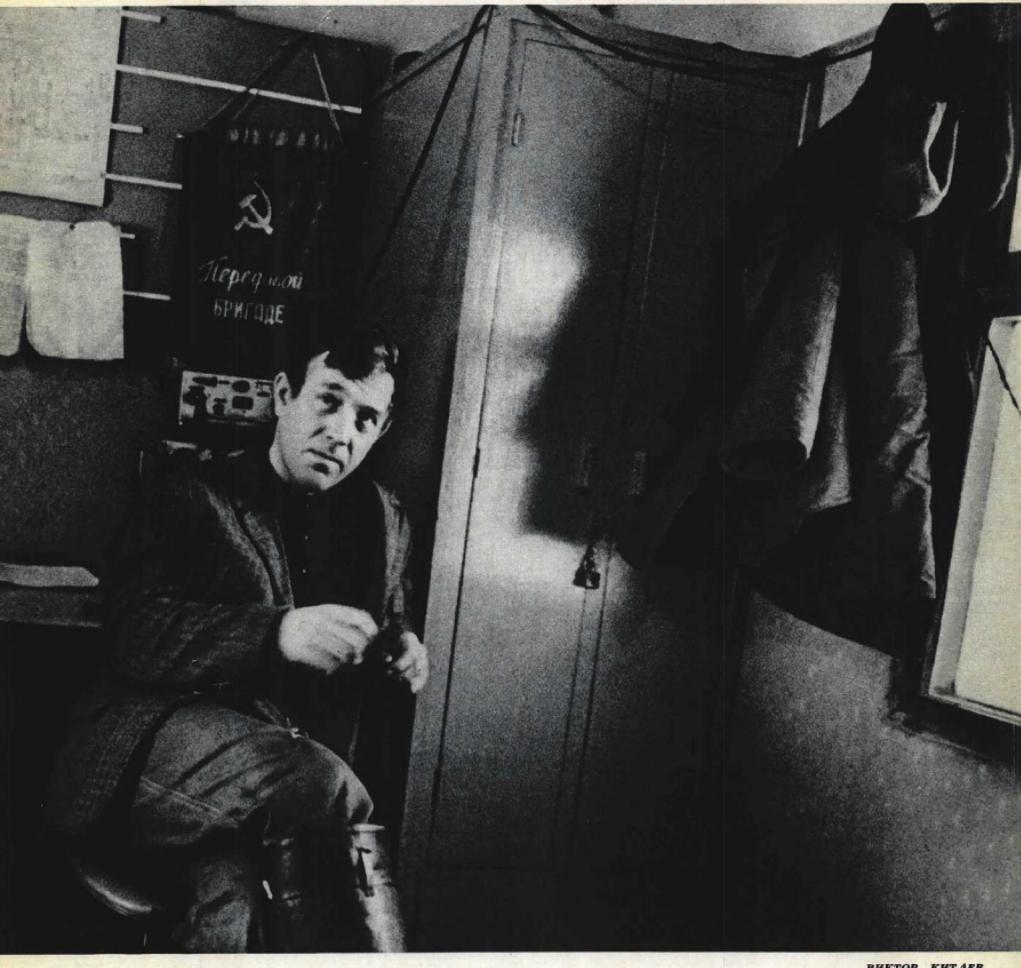
№ 8 АПРЕЛЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Закон и ты:

ТОЧНАЯ НАУКА—
КРИМИНАЛИСТИКА

VIKTOR KITAEB.

В

конце концов все не так плохо, как кажется, хотя и не так хорошо, как хотели бы мы.

— Какой сегодня день?

Шофер покосился на

Китаева:

— С утра был поне-

дельник... А что?

— Ничего. Понедельник так поне-

дельник...

Под колеса машины летела дорога

на Север, бетонная трасса, забро-

шенная в беспредельное болото.

Трасса кипела, как мельница в феврале;

снег, поднятый шинами, не успевал

спускаться, реял, крутил над до-

рогой. «КБАЗы», «МАЗы», «УАЗы»,

«ГАЗы», «ЗИЛы», «Уралы», «Татры»

неслись к озеру незатихающей, незатухающей, неостановимой реки. Везут трубу, везут кран, везут трубы на стеллажи для будущего раствора, обогревавшего воду; щеголеватый канадский ботлогод «Фогемод» тащил насос, похожий на огромную стиральную машину; два могучих «Бироца» впряженные в тележку, на которой громоздился «умоляющий», затяжущий гигант «Стерпилья», задний конец его наливал под ноги дорогой хищно, как клюв птицы.

«Что ж, еще неделя. Целых семь дней. Успеем. Должны успеть...»

— Давай на 45-й.

45-й куст был пустынен. Или казался пустынным. Унылая тень вышки,

уходящие вверх трапты, застывшая передкою, висящие сосульки, свисающие до земли, ржавые трубы на стеллажах, запорошенные снегом, принесенным с озера, оно рядом, вышка стоит на узком мысу, врезавшемся в Самотлор; но это еще не буровая — лишь безжизненный остов буровой, холодное переплетение металлических ферм, труб, проводов, кабелей... «Надо, надо, надо...» — подумал Китаев и разозлился. Он старался сдерживать себя, но плохо умел это и нередко жалел, что умел это плохо.

Он постоял на ветру, оступая наивыпашую злость, медленно поднялся по трапам...

С нового года его бригада работала только на одном кусту, 44-м, на

одном буровом станке. Бурение, каротаж, спуск эксплуатационной колонны, обработка льда, отпаривание, очистка рельсов, на которых стоят буровики, передвижка, установка и только потом — снова бурение...

Сколько потерянно времени! Сколько ко метров?

Позарез второй куст нужен. А подготовительных работам здесь конца не видно.

«Может, об этом и надо говорить с вишкарями... Спокойно, только по делу. Может, заденет?..»

Вышкомонтажников он нашел в носочной. Позвякивая ключами, они работали споро, метдично, молчаливо. Китаеву это понравилось.

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНЫ“.

НЕФТЯНЫЕ РЕВИ СИБИРИ

Комсомольским организациям направлять усилия молодых рабочих, колхозников, специалистов и ученых на неуклонное повышение производительности труда как решающего фактора развития экономики. Повсеместно использовать опыт: ... — комсомольско-молодежной бригады тюменских нефтяников В. Китаева, комсомольской организации завода «Красное Сормово», обязавшихся выполнить пятилетку к 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Из Постановления VIII Пленума ЦК ВЛКСМ

НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ

Юрий КАЛЕЩУК,
Владимир ВОЛОДИН
[фото],
специальные корреспонденты
«Смены»

— Сегодня на 44-м начали новую скважину, — сказал он. — Сравнительно неглубокая, меньше двух тысяч метров. В пять-шесть дней пройдет. К понедельнику нужна буровая на 45-м! Пока там суть да дело — здесь бурят начнем...

— Теперь вот что... — продолжал Китаев, не обращая внимания на залп, почти снискожительный отклик, который породило его обращение. — Ко всем задумкам надо пар подвести. Капитально.

— По схеме не положено...

— Шестидесятиградусные морозы по схеме тоже не положены! Но они есть.

— Вентиля нет... И патрубков...

Бот и поговорили.

— На 44-й, — сказал Китаев, садясь в машину. — Хотя нет, Саша, я сам по-веду...

Ему хотелось дела, действия, не-медленного результата.

На 44-м — значит, доказа.

Буровая окутана паром. Культбукда скучан гаром. Столовая скучан парам. Все дышит, движется, живет. Идет бурение!

С каждым минутой турбобур врывается в толщу земли. Сантиметры, десятки сантиметров, метры. Проза! Очень хорошо! Не надо никаких тайн. Не надо неожиданных открытий. Было уже неожиданных открытий, на 9-м кусту: газ в сеномане. Турбобур,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 8 [1102]
АПРЕЛЬ
1973

НАША ОБЛОЖКА:
ТОЧНАЯ НАУКА —
КРИМИНАЛИСТИКА.

Фото
Владимира ЧЕИШВИЛИ

РЕПОРТАЖ «СЕМЬ ВОПРОСОВ СЛЕДСТВИЯ». ЧИТАЙТЕ
НА СТРАНИЦАХ 16 — 21.

6

РАССКАЗ
Станислава РОМАНОВСКОГО
«ОТРЕЧЕНИЕ».

10

ИВАНОВО.
МОЛОДЕЦЬ И СЕРВИС.

22

Мэлор СТУРУА:
УПАДОК МОРАЛИ И НРАВОВ.

24

СИЛУЭТЫ,
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ГТО — ГОД ВТОРОЙ,
СТАТЬЯ СЕКРЕТАРЯ ЦК ВЛКСМ
С. Г. АРУТЮНЯНА

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
ТАМ, ГДЕ СРАЖАЛСЯ МАТРОСЫ
А. Ф. ФЕДОРОВ, ДВАЖДЫ ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА: СЛОВО О ПАРТИБИЛЕТЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашвили, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Ликонов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будкина

семь свечей — десять гони! — выбросил, как пробирку из шампанского. Достаточно романтических притчевений, они нерентабельны. Слишком много еще обыкновенной работы. А это самое трудное — делать обыкновенную работу. Она требует ровной преданности, немерено терпения. Каждый день... Каждый час. Каждую минуту...

Сухоруков стоял, широко расставив ноги, наливавшись грудью на тормоз. Задрагивал, трепетал буровой шланг, нижне опускался вертолет. Китаев подошел к бурильщику:

— Бурим, Федор!!

— Бурим, — отозвался Сухоруков, не отводя глаз от приборов. — А что у Левина слышно?

•ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ СВЕЧИ — И НАЧНEM БУРТЬ...•

— Бурят.
— На двух кустах?
— На двух.
— Везут..
— Не потому он Левин, что ему везет, а потому, что он Левин. Мастер!

Подкатил вактовый автобус, лихо развернулся на пятачке, затормозил. И сразу население 44-го увеличилось вдвое: прибыла вахта Федора Метрзенко.

— Эй, которые тут временные, слазы!
— Да еще полчаса до четырех...
— Ничего, сожмемся.
— Вася, чем это ты разжился, Вася?
— Вася Недильский, сухоруковский

понбур, маленький, вертиш, с немыслимыми усами, в немыслимо обрезанной робе, косяк хитроватые глаза и приговаривал:

— А ю? Очень даже приличные шортники...
— Мухарметов, Рома, как твой сын?
— Нормально! Ему сорок семь дней, уже все понимает, улыбается...
— Долгото нормально берет?
— Нормально.
— Раствор?
— Один четырнадцать.
— Как ты думашь, достанем мы Левина?
— Долинки...

В культиваторе Китаева увидел Беззубова, своего сменившего мастера. Тот

разгружал большой бумажный мешок.

Что привез, Мирончи?

— Лампы, щитки для сварщика, электроды...

— Молодец! А вентили привез?

Патрубки?

— Не привез...

— Вот это ты зря,

без них пополнение.

Да лады ты... Завтра я по буревым поеду. Может, кое-что соберу. Уж поклону...

Китаев знал, что погодят. Знал, что будет клянчить. И собирает, полную машину железа привезет. Конечно, это не лучшее занятие для бурового мастера. А что делать?

«Ничего, они у меня тоже попро-

сат», — пробовал он утешить себя. Но то было слабое утешение.

Среди ночи он встал и отправился на АБ-4. Всю ночь он спасал. Трещала рация: база вызывала буровые, переговаривались геологи, добывающие, транспортники, «Забава-два, Забава-два, ответь Забава... Забава-пять, Забава-пять, ответь Забава...» Забавы, эти буровые, никто не вызывал.

Поднимался ветер. Газовый фонарь, погруженный в снег, в третий буровой, залезая пространство, колеблющимся светом. На снегу, там, где красноватый свет факела смешивался с желтым, падающим из окон, лежали неровные бледно-зеленые прямогульники. Ветер дул справа. Но

Китаев знал, что через двести метров ему придется повернуть, и тогда ветер будет быть прямо в лицо.

И он был, перемешанный со снегом, кипучий, вихревой, вспеской. Китаев шел, полузакрытые глаза, на щиты, временно отступившие в рыхлых бархенах, которые уже перемели дорогу.

До 45-го было меньше двух километров. Точнее — тысяча восемьсот метров.

Только и всего.

Метрусянко работал отменно. Он гнал подъемник вверх на огромной скорости, но тормозил элеватор точно у лопатки верхового; не видя, не слыша, как закрылись ворота элеватора,

но чувствуя, зная это наверняка, он мчал свечу вниз, останавливая ее у самых клиньев.

— Все, — сказал Метрусянко, сел на подиум и, вытирая пот, сказал: — Занурий — Станислав, Коля, за пурп. Не все же тебе в помбурках ходить.

Николай Сулидин, рослый красный парень, неуверенное тронул рычаг. Вертуль дернулся, рванулся вверх, потом застыл, не доходя нужной черты. Запрокинув голову, Сулидин слепил за элеватором, рывками подавая его вперед.

— Да не смотри ты вверх, шею свернишь! Ты за витками на барабане следи. И за верткового не думай, успеет он или не успеет. Успеет! Верхний у нас кто? Валя Гречишвили Это же

лучший верховой в бригаде. Вообще на Самотлоре — лучший Верно и говорю, Васильчук!

Китаев усмехнулся. Метрусянко поднялся и начал сказать, что лучше всего в бригаде есть сухоруковская. Он всегда это говорил.

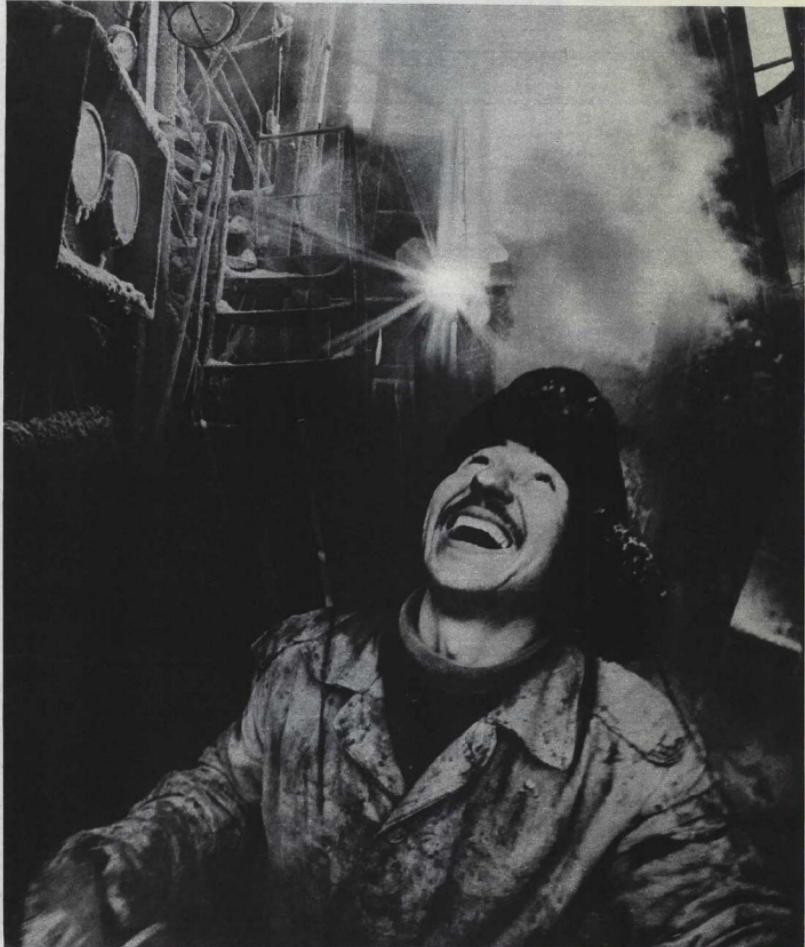
Но что верно — то верно. Китаев гордился своими людьми. Бригада у него отличная. Неужто, чем у Левина.

— Лучше! — сказал Метрусянко. — Вот так, лучше...

Сулидин тоже усмехнулся, работал четко, красиво. Без листости, но лениво. Будет из него буровщик! Есть у него чутье. Верно я говорю, Васильчук!

Опустив подсвечник, снова можно

ВАСЯ НЕДИЛЬСКИЙ ДОВОЛЕН: ВСЕ ИДЕТ НОРМАЛЬНО.

бурил. Уже за тысячу метров ушли.
— Какой флаг? — спросил отец из окна.

В столовой сидел Вася Недильский, болтая ногами в «шортниках» и по своему обыкновению сковорожкой обсыпало с поварихой:

— Вала, давай полперовго и два вторых. Слушай, Вала, а у меня завтра я вспомнил, и у тебя выходной! А! Собираешься? Ой, Вала, что это ты на втором картошке без мыса дала! Я люблю мыса. А ты, Вала, что любишь?

— Вала, ты почему не уехал? — спросил Китаев. — Твоя вагонка давно домачи гоняет и телевизор смотрит.

— Понимаю, Виктор Васильевич, у Мухарметова сын заболел. «Сорок семь дней, уж все понимает, убывает...» — вспомнил Китаев восторженный голос Мухарметова.

Свет погас внезапно, и пончалу Китаев решил, что перегорела лампа. Но тут же услышан топот, возбужденные голоса.

— Ну, зопух! — страшно ругался Сухоруков.

Нет, просто дубина, — возразил Ленин Прокоров, электрик. — Хотя б он пьяный был. А то ведь нет — трезвый. Дубина!

— Что произошло? — спросил Китаев.

— Да трактор!

— Да тракторист!

— Тракторист краном проводировал.

— Предупредили его...

— Теперь все пять буровых без света.

Сухоруков подошел к радио.

— Зава-три вызывает Забазу! За-

база-три вызывает Забазу!

С этими тракторами всегда что-нибудь было не так. Была однажды просто прелестная история. Закотолось какому-то крану, будущему мосту, винты оторвались, ползкомились. Спасибо! Он креп бульдозером — да прям на провода! Все буровые, ДНС (дожимная насосная станция) на три часа без энергии. Потом этого гурмана нашли, присудили к штрафу...

— Часа четырьмя стоять, не меньше...

— А может, на аварийном питании попробуем, — предложил Прокоров.

— Потяните!

— Потяните. Медленно, но потяните. — Лучше медленно, чем вообще стоять...

Китаев прислушивался к разговору, но не вмешивался в него. Помалу, это повиннее метров, хотя метры, конечно, самое главное. Он помнил свои первые дни в бригаде. Даже мешки с глиной самому приходилось таскать — никто не знал, как приготовить раствор, никто знал, для чего этого раствор нужен...

Корреспондент был худ, бледен лицом, легкое пальто опровергало на него погоду. Он прислонился к стене — и вспомнился — в туалете было тепло, даже жарко, и это дорожный ходок всегда. И вспомнился, как его отвели сюда (на фанерной синтаксисе прократил весь когда и кем было написано «Вечером») — в туалете, и корреспондент блонин отстал на паранджу, и сказал:

— Наш журнал готовил большую подборку материалов о труде, о жизни отца Ленина, ага там материал. Нузна небольшая беседа с вами. У меня есть подготовка масса. Несколько вопросов,可是?

— Погодите, — сказал Китаев. — Погодите, я вам буду говорить на международной язычке...

— Погодите, Русские, татары, мордвы, башкиры. Есть один немец. — Погодите, я вам буду писать в блокнот. Китаев неожиданно спросил:

— Как дела у Ленина?

— Корреспондент недоуменно посмотрел на него.

— У Ленина хорошо. Очень хорошо.

— Понятно.

— Сколько вам лет, Виктор Васильевич?

— Тридцать три.

— Где живете, где работает?

— Закончен институт в 1963 году. Работаю в бригаде Ханты-Мансийске...

— Где именно?

— В енуринские партии.

— Нет, замовом.

— Корреспондент отложил блокнот в сторону.

— А как вас здесь встретили?

— Встретили! Нормально!

— С труда добывания, перевода (с

партийной работы) не отпускали, в ок-

— Много осталось в бригаде тех, с теми вы начали?

— Много, больше.

— Но у вас другие люди. И я стал

другими. Мы помогали друг другу изме-

няться, становиться умнее, добре-

... В чем вы видите скрытые разера-

зы повышения производительности

труда? Увеличение производительного

времени, четкая организация работы на дне куста...

— Что это значит — на двух ку-

стах? Вот смотрите: у нашей бригады

два буровых станка, на 44-и и 45-и

ках, пробуривается шесть, восемь, шестнадцать наливных скважин. Ставится переводчик. Угол отклонения на 200—250 метров бурением набирается не необходимости употреблять кирзовы.

— Но резервы производственного времени — во всяком случае, теоретически — есть. Их можно использовать, если заложены в пределах нравственного порядка. Взаимопомощь, взаимоуважение, взаимное уважение и умение прийти на помощь. У нас в бригаде много очень честных, порядочных людей. Их зовут буровыми, но Сульман, Мухарметов, Недильский, уже сегодня могут заменить буровым.

— Каковы ваши планы?

— Наша команда молодежи — бригада, заслуженная обладательница пятилетки в 1974 году, — к 50-летию присвоена комсомолу имени Дениса Давыдова.

Корреспондент отложил блокнот в сторону и задумался. Вспомнил, что еще не спросил. Потом часаха еще не прошли.

— Ответьте на вопрос, — прошипела радио. — Вы не звались? Успокоила голова Ленина, вздрогнула.

— С Лениным даю мои дорогие благодарности за то, что звал. Еще на первом курсе когда учился, практику в Отраслевом проходил, он уже тогда в Бурятии, в Улан-Удэ, Геннадий Ленин! А здесь езда и начал работать техником, послал поздравление мастеру Когана. Потом — Премьер-министр запорожия. И как! Опустил техническую голову. А он не видел. Решено, что супружеская связь — свадьба, — началась в Бурятии, — сказал Ленин.

— А какие у вас личные планы?

— спросил корреспондент. — Диссертация?

— Нет, — ответил Китаев. — Ленина догнать — вот мой личный план.

К четырем часам вызвали в город на совещание.

Но оно не состоялось. Радуясь неожиданно выпавшим свободным часам, Китаев направился к кинотеатру.

— Один билет на семидневную тридцатидневную...

— Билетов нет.

Отошел, поглядел на афишу. «А зайди здесь тихенько...

Дома утихнул в телевизор. Не то. Завалился спать. И проснулся, как от толчки.

Позвонил на буровую, Безбузово. — Мирончи, ну, что там на 45-м?

— Нормально, — уклончиво ответил тот.

— А точнее?

— Витя Макарцев приехал, «кри-вич».

— Ага, танковый приехал. На забуривание новой скважины. Набор кризены, расчетный взлум — хигров делают!

С трудом утром дождался, первого автобуса.

На 44-м начали каротаж. Но до бурили на 45-м были еще далеки. Барахолка, вспомнил Китаев, вспомнил ма-ссы. «Эх, вышкиари... — вадзил Китаев и сильно ругнулся. — Не для себя делали. Для дяди. Ну, вышкиари!»

— Семидесят пять метров прошли, — сказал Макарцев.

— Азимут проектный. Но медленно идет набор кризены. Может, и не перевородят? Это всего три сечи подняться...

— Не стоит. Азимут проектный — и ладно. Сейчас главное — бурить.

Культбухда на 45-м совсем неожиданно пора обжигать. Китаев сжал сажоги, плюхнулся на голую раскладушку.

«Конечно, все не так хорошо, как хотелось бы, но и не так плохо, как кажется...»

— А какой сегодня день?

— Сутра. Я был поневолы... Хотя нет — уже вторник. Третий час ночи.

Китаев не ответил. Он спал, свернувшись клубком на голой раскладушке и укрывшись клетчатым пиджаком.

Ничего ему не снилось.

САМОЛОР, ФЕВРАЛЬ 1973 ГОДА.

рукоме тоже нужны были специалисты по нефти), он привез меня в Мончегорск. Там я покорял кусты, там же я и вспомнил — в туалете было тепло, даже жарко, и это дорожный ходок всегда. И вспомнил, как его отвели сюда (на фанерной синтаксисе прократил весь когда и кем было написано «Вечером») — в туалете, и корреспондент блонин отстал на паранджу, и сказал:

— Наш журнал готовил большую подборку материалов о труде, о жизни отца Ленина, ага там материал. Нузна небольшая беседа с вами. У меня есть подготовка масса. Несколько вопросов,可是?

— Корреспондент недоуменно посмотрел на него.

— У Ленина хорошо. Очень хоро-

шо.

— Понятно.

Я Ленина вижу, я слышу...

Дозорная книга —
Моих испытаний страницы —
Великих века
Написана в годы крутые.
Больших надежды,
Завещаний домой
россии.
Встает над планетой,
чтоб ленинским замыслом
сбыться.

Я Ленина вижу
Апрельским порою над Шушью,—
Он молод еще.
Но в его нетерпении, в прищуре
Земля угадает великую
русскую лушу —
за них устремится
В историю века,
Как в бурю.

Я Ленина вижу.
Он Губина слушает молча.
Стоит академик.
На первом кремлевском донладе.
Еще польшают
Помарщицы волнистые ночи,
Еще переконы дозорам
Таинные сны.
— Мы верим, — сказал
академик, — за Олью —

Глубинной нефти,
Не пора ли ученым в разведку!..
И сквозь отец мой,
Запасшись мукой и дробью.
Отправится в поиск
За маму,
за Ману,
за Витку.

Взметнется костер,
А в тайге надо иной —
Смолокуры.
Могут быть — из кормы
Смоляная кроватка.
На стойбище Оки
Проплахи порохом шнуры
И зверя живого
Разбуженный реч из распадка.
далекие годы...
Такие бравые отваги...
Звали эти прозы
Наполни лододы заводы!
У пристани древней
Взвоятся всех танкеров
Флаги!

Я Ленина слышу.
Пророчству этому внемля,
Я Ленина вижу,
С покойю заневелохода...
Как мы обнимали снуюю
самую землю!
Не так ли в пустынях тогда
пробивали колодцы!
Ровесник! А такие как плещется
Солнце Шамы...
То нефть забурлила;
ты землю рассвета послушай —
там воздух прогнат —
всей памятью грома и дыма.
и Ленинским полнятся юные,
чистые души.

Я Ленина вижу...
И в каждом открытии века,
И в каждой надежде,
Завещанной в подъезде отцами, —
все мощи моей Волги,
все сила Обы и Нурука, —
Огнь Прометея,
доброта
Словес грозы —
бойцами.

Сварщик

Здесь над закатом
Над бурями морских сонят
Владичит
Сварщик с электродом,
Как во вселенной
Космонавт.

Он тоже в небе,
Словно дома:
Вздыхается
У самых ног,
Как блин свечи,
Как беспокой домны,
ЭлектроСварки огонек.

Изданена
Едва заметен,
вблизи
До боли раскален,
Он день грядущий
Нам засветит,
Сплитиной
Темень он.

Созвездием —
Сварщик блеста,
Дыша отвагой высот,
Здесь остров мужества
Над стави
Штормов ревущих
Восстаёт.

И сварщик
Так глаза приступил,
Как будто с звездам
Вознесен,
Недосыпал он для бури
И, уж конечно,
Невесом.

Он поднимается
Все выше,
Ему подвластна
Высота
В созвездии электропышик
Его умысла,
Как звезда.

И крылья вскидывая
Странно,
Здесь чайки реют,
Как огни
И с восхищением
И страхом
Глядят на сварщика
Они.

В граните,
В бронзе повторится
разведенная высота,
бронзововая румяница
И предрасветная звезда.

Прощанье

Расстилается море, начается,
Приподнявшись пеной седой...
Все проходит,
Не все забывается,
Остается былое со мной.

Уже катаф, теряется,
Застывает дымкойничной...
Все проходит,
Не все забывается,
Остается былое со мной.

Улыбается месяц, склоняется,
Обнимается с тихой волной...
Все проходит,
Не все забывается,
И как будто ты снова со мной.

Нефтяник

Мне радужная эта позолота
Наша дана:
Есть в нефти неизведанное
что-то —

Она хмельна.
Как ждет она,
Нечего изынавает,
Сирасы грустъ,
И лишь ко мне взызывает нефть
И знает:
Я к ней прорусъ.

Она темна без дела, как рабочий:
Ей счастья нет...
Освобожу ослепшую
От ночи,
Верну ей свет.

Лодка

Волни, как обруч, Каспий катит,
Штормами сият.
Маячит пограничный катер,
А лодка спит.
К прибрежным лодкам прикипела,
Вошла в песок,
Как будто одеревенелый
Волни кусок.

Так, бортовую кромкой плотно
Прилип к песку,
Слит опрокинутая лодка
На берегу.
Но какое-то — неправда!
Она спит!
Ей по морю б качаться плавно.
Синяя ветер слит.

Она вплита постепенно
Морской простор,
Ее охватывает пена
Со всех сторон.
Ее волны переплюво
Мельнят волна...
К соблазнам пениного прилива
Сползает она.

Мы шли от моря

Мы шли от моря,
Поминаясь, как со стуком
Летели камни...
Странно: почему,
Что становились горы неприступней,
Тем блекле море,
Словно шли к нему.

И радовало свежее
И склады
Давало бой!
И фриг с головой
Очищало,
Брезжило,
Сияло,
Захлестывало пестрой синевой.

Холодным был высокогорный вечер,
Не стало сил,
Когда в промеж склон,
Подводным рифом вынырнув
на встречу,
Наш путь пресек ребристый перевал.

И туча, словно рыбина спасая,
Хвост волокла по склонам,
как по дну,
Как будто, к тайнам неба подступая,
Мы опускались в моря глубину.

отречение

теп Артемий забросил службу еще при царском режиме. Он проторезев, от выстрела, когда село переходило то к красным, то к белым, оторвалась, занавесила окна и запишила.

Жили они вдвоем с женой при церкви. Единственный сын Алексей на десятом году утонул в половодье. С тех пор отец Артемий стал пить, благо в подклете, в тайном месте, сладкого вина для привлечения было еще достаточно.

Умом он одолел разумом своих памятей и впадал:

— Они уж и не дрожат.

Руки послушали сердце и сказали жене:

— Быть.

— Может, нынче пережедиш? Серафимыч? — с надеждой спросила она.

— Может, и пережду.

Пережди-ка, пережди! Над тобой и сметься то перестали. «Нет», — говорят, — взяли мы поэта из подполья и убили. Пережди — злословных штыков потом покроются. И ты на трезвую голову уедешь за Казань. Крестный скажет: стереческая дача стоит пустыне. Мы там и отсидимся... Нынче пополовине моих племянников. Нынче опять всю ночь в сырьиे страдали. Никто не знает, где их закапывают. Третьягодня ты подойдешь к окну и с пыльных глаз двинешься: «Из яи сам дурак, или сосед боток так — как каждый умный человек поспешил на влагу кабын разделялает? Покхвалился-то сколько покхвалился. И в таком врем'е!» Я тогда не сказывала, а сейчас скажу: на вузу-то и кабан — человек висел, в одном яйце его повесили... Опять, Серафимыч?

Она пронзила, как занавеска, позеное посудой и вернувшись, встала напротив лампады, виновно скользнула глазами по лицам Снисяцкой, Казанской, Николы Влаикиногорского. Обратиться к ним впрямую он не решалась: с тех пор как отец Артемий в запое выпил неизисимое количество «Христовых крон» — вина для привлечения — и продолжал выпивать, он понимал всю чудовищную бесовственность непосредственного обращения к главным сияющим и поэтому устраивал взглядом на изображения святого Серафима Саровского (в миру кутузова) и святой Марии Египетской и предупреждал:

— Серафим, негровко гравитиша будай! Эта книга была закавказской и блестела маслянистыми красками. Полумастер, полуремесленник старательно выпилил зеленый подсосек, серый камень — моленное подножие, голубой кистиличный топор, белую одежду и седины старца.

— Что это делается-то, отец Серафим? — Отец Артемий даже закашлялся от вспышки.

— Ты подскажи боязливой матери: недалко здесь...

Без стука блеснул звонок. Миша и задыхнулся:

— Доброго здоровья!

— Здравствуй-ко, — не занервничал крестного знамения, поздоровался отец Артемий.

Свой восемнадцати лет Миша очень походил на утонувшего сына и удалился застенчиво, пригнув голову к плечу, как Алеша. Происходил он из наивнейшей семьи. У них не было фамилии, имен и даже прозвищ: на то что сказали что-то об их отце, то же сказали про него. Себя же они не называли, а звали ими, как бы стесняясь своей жалости, что теконко существует добрунушка Ниццата, а кто и старый плюхой Ниццат. Зато в престольные праздники требовалось жалеть их открыто и гласно: Ницца уносил с паперти или к алтарю мешки почвы и до следующего престола вдвадцать ртут граммов закаменевшей страницы.

Подпода качала головой:

— Ты иначе, Миша, вовсе белый.

— Побег на дикам, так ковс синий будешь, — проворчал отец Артемий. — Опять к учительской дочке ходил? — ревниво спросил он у звонка.

— К ней.

Звонарь через силу улыбнулся. Он стоял в простенке между занавешенными окнами, и лицо его при лампаде было размытым и чужим. После гибели Алеши отец Артемий все собираясь усыновить звонника, да, пожалуй, упустил время. Самостоятельным стал парень, и ушла из Мишкиных глаз благодарность за звонарское желание, за добро, а куда ушла — неизвестно.

В дверь тяжелобательно постучали. На порог набежали военные, и высокий офицер спросил:

— Говорят, заболел, батюшка?

— Хвораю.

— И покойника отпеть теперь не сможешь?

Только он что сказал, как офицер мимо хозяев молча прошел в переднюю, остановился напротив Миши и произнес:

— Альфред, племянник знакомый!

Хаешища плачет, и насквозь через Мишино лицо красивым теплым стручиком испустила кровь.

Отец Артемий тяжело офицеру руку.

— Гостюшка, — попросил он, — ты бы нагнулся, а то ты высокий и о мати-пу вью голову расшибешь.

Офицер нагнулся. «Отец Серафим, помози остатки!» — мысленно попросил отец Артемий и жестом, сопровождаемым с привычной хваткой по лицу должностного человека, поднял из-под земли крестильное хрестиком будто треснула корзина.

— Серафимыч, что ты надеялась-то? — в голосе заплакала жена.

Звонарь с неожиданной силой раскидал военных, метнувшись в окно, завешенное шалью, запуталась в ней. Хрустнула рама, осмыкал стекло.

Отец Артемий кинулся выручать Мишу, но военные заломили ему руки, так как сердце остановилось по нестерпимому чувству:

— Измы, сатана недонесенный!

Его брачные пальцы, как что-то изменилось, зажали вены на полу. Миша умерла потому что ушла на сено.

Рядом также дышала звонница.

— Чем ты им не угодил, Миша? — не сразу спросил отец Артемий.

— Не смиришь! Господи, да что это дается-то! Крови-то! Дай-ка я тебе перенести руках. Эх яи пынья руки, как же моя. Стой-ка, вроде курчица хохочет? — Отец Артемий присущасялся. — Я тебе сейчас сирых яи присосу, сразу забудешь.

Он влез в темноту, провалился в сено. Зажмурился, чтобы не наложить глаза, поплыла, поплыла как море, да и созерцал забытый запах сенокоса. Долго плывая в сено отец Артемий, ничего не нашел — руки нащупались то на каменные стены, то на дубовый пол — вернулся к Миши и сел к тому уху, которое слышал.

— Наша-то курчица еще не сплескалась — весело спросил звонарь.

— Да мы этих яи на дух не надо! — обрадовался отец Артемий. — Ты лучше расскажи.

Слушала им этой очи не покрывалась. Так-то он безобразный, но любит всегда ругаться. В прежние времена как выпьет, так края ругать. «Он и такой, и скот, и Николаин». И по-русски говорить не умеет...» Пришли красные солдаты и их костюры: «Что это за власть? При ней один черни сухари дают, а при царе-батюшке было сдоба:» Пришли белые отец их тоже обложили: «Воевать не умеют, только вешают!» А власть-то, она не каменит.

— Не каменит,

— подтвердила отец Артемий, забывшая выбрать сенинки из бороды.

— Ни каменит. Были моего родителя под белы рученьки и повесили на вязу у тебя под окнами.

После большого молчания отец Артемий спросил:

— Как его по отечеству?

— И я не каменный. — Звонарь не рассыпал вопроса. — За всю нашу семью неудающую и обижавшуюся давно. А на кого? Был жит отец, и я сам не знал. А от него на всю повесанье, встретил я умных людей. Они меня спрашивали: «Ступившего суда ждешь?» «Жду», — говорю. «Так ждать то болально долго!» — говорят. — «Зачем драматично?» Я говорю: «Можено и не откладывать...»

— Убийца! — Отц Артемий винил пальмыми в плаче звонари. — Да я знаешь, как на войне-то воевал. Бежит австро-японка — и в него вынотку наведу, посажу его на мушку, а потом мушку в сторону, чтобы его не убить, а напугать, и курок спущен. Моя пушка свистнет и скажет ему: «Куда, дурак? Чужой ты, иди сюда!» И я, моя мать, на ауф-штанде, а унтер-офицерский я белке в газа попада. Чоловека — нет. А я: «Убийца! Тред! Нехай!»

Обеими руками Миша убрал попугу руки со своего плеча.

— Разве я не знаю? Малышкой нащел я в церкви зверюшку, не звездошу, а зородыши слепой, страшной, с мицким, а значит. Принес домой, стал о коломинки молоком пить. Кто из него вырастет? Заки? Ехик? А наружу-тшовек? Как подумаю, что человек, почте не спасло, охраняю его, чтобы кошки не съели. Выросла из него краска. Ну и пересела и тогда!

— Тогда я покажала. А чоловека! Божским словом с малолетством умиячи его аулам, и я всем будет хорошо. А Христос?

— Миша перебралась.

— Христос был умным. Он понимал: бог боят, а без организации никуда не денешься. Он иконы жилья собирали свою организацию.

— Чужие слова говоришь, — вздохнул отц Артемий и отвернулся.

Но Миша повернула ему к себе, обняла и спросила:

— Ты, Серифимич, словом боломых человека долгому-то спортиш?

— Разве это я? — растерялся тот. — Это вино...

— Вино... Сколько пьянци на селе, а нам одни на белу власть с кулаками не наладят!

— Так ит... Разве нарочно? Так ит... С мое-то... Из-за тебя же, сынок! — Отц Артемий не мог больше говорить.

Некоторое время они молча прислушивались к шорохам за дверью. Мишка тихнула в борту сторону и сконфузленно сказала:

— Покаяться хоту, Серифимич...

— Давай, если не шутишь.

— Да, конечно, не шутишь.

Я тогда один весь ночь в таильниках простока, промок, а всем говори, что был с учительской скромной. Пусть люди думают, что меня — Нищенка! — учительская дочка любит.

— Даешь...

— Так все...

— Так это еще ничего, — оживился отц Артемий. — Гордина, конечно... А есть грехи — подумать немыслимо. Ужасные есть грехи.

Этот раз Артемий заговорил про себя, про три сотни бутылок вина для прращения, про целое море Христовой крови, которое он выпил сам.

Затремез засов. В просвет присунулась голова в плахе и спросила:

— Не спите?

Вдвоем они помогали друг другу подняться. И в их движених и лицах появилось нечто общее.

У дверей стояла стражка на одно лицо, и будто она знать не знала, для чего все это, несмотрела на плещеников.

У Миши были слезы головы от простира, и он аккуратнейшим образом держал Мину, чтобы не упасть обеим: небо на них кончалось за склоном пойма, не опускался сводами, а уходил дальше, в бесконечность. Стая грачей или ворон синилась с ометы, но подниматься в это небо побоялись и не высоком полетела за овраг.

— На горах подолетаешь, — сказал Миша, провожая грачей жадным взглядом.

— На горах, — подтвердила сидящая из стражки.

А за солдатскими спинами, за пряслом, за ставами, на всю жизнь запомнил, смотрел на плещеников глаза земляков — мужицкие, женские, ребяческие.

Никогда прежде отц Артемий не видел таких глаз — ни на исповеди, ни самой жаркой своей проповеди. До этого он и мыслить не мог, что люди разом простят ему святотатственное пынство и молчаливо поднимут на высоту небыльную и будут смотреть на него как на человека значимого, наущенного смертью из-за Нищенки Миши, неназываемого сына своего.

Мини все так же жадно следил за грачами, стейб, и в ближнем к отцу Артемию месте, на котором висела плащаница, рассеченном глазу его было мальчишеская обида по тому, что это он вышел в последний раз.

Ничего, ничего... — погладил его по плечу отец Артемий. — В старости да в хворости еще бы кух...

Высокое, радостное чувство выпрыгнуло отца Артемия. Счастливые слезы подступили к глазам. И в смертный этот час память выбирала для него тихие случаи из жизни.

Не облыни женихини, не смерть съяла, не война в Галиции, где землю качало от австро-германских снарядов, — это не вспомнилось ему.

А вспомнился ему текла башка, тае мать оканчивает его горькой березовой волной и притопывает:

С гуси нога.
С курица нога.
А с мово малярено —
Вся худоба.
Лети, худоба,
За гнезды леса...

И он крепче прижался Миши, чтобы корюно шлошь. К нам подходит подорожу. А ты солдаты-то Миши руки за спиной, подсадил и телегу. Голова в плахе склоняется отц Артемий.

— А ты, батюшка, стуйдай домой. — И приблизила со скрытой улыбкой: — Только болиши не дериесь.

Отц Артемий скзал:

— Я уж притопываю!

И решительно отодвинув человека в плахе, сел в телегу рядом с Мишей, уединившись в темноте, и начал собирася на сенокос...

Пострелял захорон, башка. Так это сажи заслужить надо... — устало рассердилась голова в плахе. — Ребятушки, не забывайтесь ети!

Обеими руками отц Артемий всплеща в накладки, так что поблевали мосаки, и четверо солдат не смогли отсторять его от телеги.

Тогда голова в плахе обновиа телегу и сиди ребром ладони, как доской, стукнула отца Артемия под затылок; он осел, темным кулаком свернулся на белой земле и не услышала, как Миша громко сказал:

— Мы вятские — реоты хватские: семеро одного не боимся...

И не услыша отец Артемий последних Мининых слов:

— Процрай, Серифимич! Каланикис кому...

Си онамятауса в сиша дома. Жана раздевала-разузыла его постыдно супом, и вытирая отхала. У солдата туя отбила. Видин, рука-то как в бачбач ширсти? Это я тому и плахе все воломы вывали: «Мало вам кровушки! Мининых в сираг узел, а старого изурочили? Они мис тябе и отдала. Однай-то мне тяже тажло вестя... Но довел... никому не доверила.

Отц Артемий леж а лицом к стене и пролежал в молчании два дня. На третий день жена насыпала с ложечки накормила его постыдно супом, и вытирая с мундирного лица, рассказывала:

— Батюшка, — сказала Миша, — как здорово у батюшко! Надо бы колеби отклумы за побуду нашего оружника. А я и говорю: «Батюшка, — здорово у долого, которого батюшка ступил! Человек ему пыльцы им нет?» «Нет», — говорит, — не наладил. Его, наверное, спишут по чистым». «Слава, — говорю — батюшка-то ступил. Я бы вас всех, чөмекбуычыра, в котел с кишинг смолой! Протвала я их. Обещаны эти прийти. Дай-ай! Серафимыч, от греха подальше уедем за Каму. Раньше-то на Ставхесе какой ты отгородил? Ой! Бывало, огури, тыквы, арбуз... как поросла. Ты с ними говоришь, они будут копытят.

Мать... — переба ее отец Артемий, — ты бы у соседей котенка спросила...

— Так за Кама и самые котяты! — Поплыла обрадовалась голосу мужа и всхлипнула.— А здесь их дилем с огнем не найдешь, всех перебили...

Отц Артемий закрыл глаза.

— Сосем плохой я стал, инкубацийский...

— Ну уж и инкубацийский. Ладно, что живой!

Да и уж и на сиша я им много жадин и жена с молчаливой радостью наблюдала, как он сидит и се спрашивали: «Еще! Того! Этого!»

Отц Артемий спросил:

— Если чолость не наладили, меня-то зачем отпустили?

Жена всхлипнула дураками:

— А об ми подумай! Я видела, как тебе умереть то захотелось. Я видела, как тебе от Миши... — царствие ему неебесное! — в десять рук оторвать не могли. Я все-все видела! Сегодня же за Каму уедем. А ты помыши, может, легче станет.

А потом всхлип, отдалась, послушав голоса трав и птиц, скрип вороз, дальневосточного птичника, скрип мухоморов земли, и стужий кай — жизнь не кажется сколько бы оби, не заподозри в сердце твоем.

До темкоты они синяя узелами удали. Их набрасывало много, не унести, и без долгих разговоров было оставлено самое необходимое в четырех узлах, а остальное спрятано в подкладки, в тайном месте.

Перед дорогой отц Артемий поставил у икон.

— «Что-то будет?»

Ни слова не сказал отец Артемий, только устало перекрестился. А стала уходить, жена вернулась, задумав лампаду:

— Кам бы пожара не было.

И отец Серифим, полыхнув масляными красками, потону в темноте пусть избы.

На дверь жена насыпала замок, и с цыганскими узлами из плах синяя на ночь — на талыйник встерь с Ками. Позади их долго белела церковь и ворчала поддика гроза или чым-то дамыча батыре.

Рано в плахинине жена первая обнуряла плащодоку брез весел. Видин она сиша сиша в сишу и оттеснила талинны, поплыла в пластин туман. Их сразу же погасило солнце. Синяя ладонь еди не стокнулась с большими судами: первый раз с пароходом, еди плах вонг от глыб и углышася до шуму комес, а второй раз с баржой. И было пожоже, что на коре-безе в длиной перекладине качаются повешенные. А может, это было и белые...

Кутри они поплыли по тон берег: мокрым от росы с головы до ног, они доло-ши по зажемским аутам и при соанышке высплын в струту.

— Ах, я же горю! — кричал отец Артемий.

От пространства одежды отца Артемия шел пар. Он лежал на сене и смотрел на жено.

Она сплюхнула синяя, сидела рядом и сосредоточенно плах венок из желтых болотных цветов. Под боком, как кастрюля, стояла темная полоскавая шапка, а вей с верхом было перепиской каубинчи. Соланжко засмутяло скожу жены и выспягтало волосы. Время от времени, не отрываясь от дела, она синяя приспелла комес полной открытой рукой, и губы ее расцвечены узелами.

Отец Артемий мосаки, да и склада:

— А красиин ты женщина! Екатерина Трифоновна!

Она посмотрела на него и ничего не склада.

— Красиин — упирю посторон отец Артемий.

— Чего уж белою красиинского-то! — не отрываясь от работы, спросила жена.

Она в подак уронила руки, а отец Артемий обня ее за широкие крепкие плахи и цопнулся в расплывине на комаров губы, которые все еще рассеянно узелами. Она успела быстри отодвинуть шапку с ягодами.

Синяя измамини, да и ягоды.

— Да все красиин, все!

Она в подак уронила руки, а отец Артемий обня ее за широкие крепкие плахи и цопнулся в расплывине на комаров губы, которые все еще рассеянно узелами. Она успела быстри отодвинуть шапку с ягодами.

— И где ты была до этого?

Она прошептала с обидой:

— Все время с тобой была.

Отц Артемий есть ягоды не стал, поднялся с хозяйским видом отряхнулся и прошелся ягоды осочиной протоки. Он вернулся нескоро, в закатанных штанах, в чулаках из мыла, и великоложно поставил перед женой старую вершину, в которой колотились черные караси.

— А нас не заругают? — уважительно спросила жена.

— Кто?

— Хозяин.

— Ты, мать, принеси сухого тальмизу. Да вотки сошки. Да почерпни в ведро чистой воды... — строго распорядился отец Артемий, но выражение ласковой покорности на женском лице разжалобило его, и он прибавил:

— А хозяин верши не та бойся! Ей ст лот и хозяин или своей смертю помер, или еще с турецкой ни привнес.

Отец Артемий внес в кухню сухую карась, пустил их, и живые рыбьи плывали в воде, окраинами воды в розовый цвет.

Смотреть страшно... — сказала жена и проклинула салон.

Отец Артемий бросил в узкую уголек, чтобы не пахла тишина, и проделал еще

множество не менее важных дел, прежде чем постучать ложкой о ложку:

«Кушать подано!»

Они хлебали до донела, по пирожкам, и Екатерина Трифоновна поднимала от ведра счастливое распаренное лицо и одними газами говорила: «А ты не хотел ехать...»

— Как Мишинского отца по имени-отчеству? — неожиданно спросил отец Артемий.

Она уронила ложку в ведро и заламкала:

— никто не знает, как его звали...

Отец Артемий тягостно посмотрел на низкое небо, на жену и попросил:

— Ты уж не плачь, Трифоновна. А то дождь собирается, и пропадешь мы с тобой все царство небесное.

Они прибрали сено, увязали узлы и пошли вверх по протоке — здесь близко вода.

Протока привела их к большому озеру. К нему клинком подступал сосновый берег. Здесь над водой пряталась в сосновых дом с мезонином.

Это и были Ставропольские дачи.

Около рухнувшего забора притнулась огуречная плесть. Огурец прижалася к земле, золотым попытками боком, как детеныши к матери...

— Маты! — закричала отец Артемий. — Ма-аты! Иди-ка сюда: огурцы!

И повторяла склоняющейся и тише, когда она подошла:

— Огурцы...

Женщина сказала:

— Господи, как ты меня испугал.

У края, запороженного хвойи, они оставили узлы и по скрипучим ступенькам поднялись в помещение, где было тепло и холодно.

Отец Артемий растворил пышное окно — хлынула горячая вода, закачалась пастуха по углам. Отсюда далеко просматривалось озеро: меж сосен горела, переливалась вода.

Остаток дня они пребывали в доме, выбрасывали мусор, мыли окна и полы, то и дело и под ноги и под пятки падали. Екатерина Трифоновна укоротила мушки и бороды. Она поклонилась и переступила на пол.

Спать легли в уголке на полу, и никто их не потребовал в эту ночь. Никто их не потребовал и в следующие ночи.

По утрам отец Артемий, отстриженный, не похожий на себя, с оттопынившимися ушами подростка, спускался к озеру умыться и проверить вспашку.

Из озера — ладони киписком — он зачерпал воду с утренними ладинами и умылся.

При этом он работал, и руки его, покрытые румянами, в сердце...

При этом он работал, и руки его, покрытые румянами, в сердце... нет. Оно и с устаком стучало, как не свое, как мертвое. Отец Артемий втикал топор в плаху, потянул сапога, сидце и, не дожидаясь сбоя, просыпал жену:

— Мать, ты посасывай.

Она прикладывалась узом к груди мужа, распрямлялась и, ульбаясь темным обетвленным лицом, сообщала:

— Бывать!

— Ка-ак это не так, бытъ...

— Ка-ак это не так? Примо! склоняющим гулом!

— Ну, спасибо, мат. А зими успеть бы банью поправить.

А вместе с сердцем отца Артемия вспыхнула прыга. Глаза гудели сосны около дома, а потом и воне замолкали — гуд в глубине бора. Екатерина Трифоновна больше не ходила по грибы — остекленела, повесмывалася и не годилась в пищу. Чтобы умыться или набрать воды, отцу Артемию приходилось раскальвать алой плахой, а потом и говором да каждым шагом, а то и не один раз на дно обновлять прорубь.

Они жили в избе, и только посреди лета держивались длинной плавни, в которых плавали чечевица утка. Потом в избе удалили, и по плавнику ладу можно стало идти в любой конец земли. Иней забежал его берего, оседал на патроптиках, на крыше, и мир замер в предснежной своей печали.

А на самом краешке этого мира, за Камой, отданного гремела война, и среди ночи сердце отца Артемия нет-нет да и всломинало высокие минуты перед казнью, и колоденство жарко, и не давало дышать, не давало спать ему, и все замигало кудлато из тесного стеклового дома...

Их потребовали под угрю — дом заполнили люди с винтовками. одеты хуже, чем большая часть Мишинского возраста. Одни из них, глядя, как отец Артемий спросил, напятались новье вальсены, переперднув затвор винтовки.

Екатерина Трифоновна поймала уши его алхимистой плашки.

— Ты что? За вальсены убивать? — затряслася она сто... — Мужа моего? Молодко на губах не обсохло, а гуд же — убивать.

Лохматый вертол головой, шапка налезала ему на глаза, и он повторил:

— И зими не было...

— И зими не было... Синя помякала человека постриг, и солдат он был по-лучше, и речи на нем было побольше — по всем видимости, командир.

Екатерина Трифоновна из одной руки выпустила ухо шапки.

— Вот он... Ой!. Мужа моего хотят из-за наленных уха шапки...

— Да опусты ты! — Молоденчий наконец сорвал с лица шапку, а отца Артемия поразило, до чего же он похож на покойного Митя — светлая, детскская, стриженая голова...

— Да у меня и в мыслях не было... губы его обиженно прыгали, — и в мыслях не было убивать человека, товарищ командир.

Екатерина Трифоновна сказала:

— В мыслях-то было.

— Не было.

— А чего винтовку дергал?

— Смакза замерзла.

— У него винтовка давно баражлит. — Командир взял у паренка винтовку, поступал по рукоти затвора и улыбалась Екатерине Трифоновне:

— Опять затвор засо. Идите проверяйте.

Она замахала руками:

— Страхов-то!

А отец Артемий отозвался с кровати:

— Всмысли мои вальсены, сынов. У меня еще хорошие опорки есть.

— Не надо мне! — мотнула головой паренев, и в глазах его заблестели слезы.

Отцу Артемию стало неоловлю оттого, что он хотел угодить человеку, а тот понял.

Только у вас... — Командир снял перчатки и приложил к печке изящные ладони.

— Тонги... — сказала Екатерина Трифоновна, и отцу Артемию почудилась интригность в голосе жены и общий задор душу его.

— Мы у вас в других комнатах противом... — сказал командир.

— Тоще... — разрешил отец Артемий, — дров — целый лес...

Отцу Артемию разрез руки:

— Где?

Да чих, и хмык, и в них запахло дымом, ружейным маслом и немытыми мужскими телами. Дым, камни, смех, ругань, метались из комнаты в комнату, и отца Артемия, который, кроме жены, давно не видел людей, тянуло поговорить с ними, рассказать, как убили Мишу, его ненавиданного сына.

Он вытараставил спорки и вместе с шерстяными носками принес их в соседнюю комнату томому самому пареневу.

Паренек хмуро посмотрел на отца и поклонился:

— Погоди-ка, я тебе хотят... — потребовал отец Артемий и, когда тот перекрестился, похвалил:

— Не забудь...

— Рад бы забыть, да не забудешь: четыре класса приходской школы.

— Давай в красных?

— С весны...

— С весны... В море — что в море: все колышется... Да надевай ты спорки, не будешь же болтаться.

Паренек поклонился и перебрался.

Тут бы и самим временем стечки душу — рассказать про Мишу, как его убили белые, но пришел командир и сказал:

— Артем Серафимыч, как бы рано испытать? Народ чешется...

— Откуда вы знаете мои имя-отчество?

— Ваша жена сказала.

— Банько у меня рядом... — сразу ответил отец Артемий. — Мы с женой вдвоем.

А мы стоять будем? — тяжкую светлую головой паренек, и опять отца Артемия поразило сходство его с Мишелем. В дверях он увидел жену и расправился:

— Мать, по воду ступай: товарищи блюют просьб. Я тебе доложу.

Все ушли по полу, и отец Артемий оделся потешно, вышел во двор и зажурчился. Сосновые ветви, изогнувшись, опалили небо над двором, над пологим и белым дверчика снег лежал от крыльев до леса — он только что высыпал, и ходить по нему было сложно.

Отец Артемий постола перед ним, как перед алтарем, и вздрогнула от смеха на краю леса.

Что вы? Я эти воры на дно столов раз поднимал.

Сюда по круглосунду с озером поднимались жена и командир, который пес на плачах коромыслов с помытыми ведрами. Никогда в жизни отец Артемий не видел подобных обстоятельств и не представлял, что ему делать. То ли спрятаться в доме, то ли стоять на месте и никуда не уходить.

Командир увидел отца Артемия и поставила ведра на снег. Щеки Екатерины Трифоновны бледнели, как снеги. Она близко подошла к мужу и успела прощаться:

— Из благородства.

И слепым движением обеих рук ухватилась за щуп отца Артемия, но руки не держали ее, и она поклонилась, по лицу не муха. Рядом с Екатериной Трифоновной, сразу закатываясь в снежную пурпуру, простила кровь. От края шары пар, и снег не успевал впитывать ее.

С лица женщины скользнула румянец, губы стали белыми, как занедевшие. Трупа посыпалась на лицо Екатерины Трифоновной.

Отец Артемий слушал с лица жены, поднял ее на руки и, запинаясь, по дороге к убитого красноармейца, отнес ее в дом — и положил на пол.

— Катя я приду... — сказал он. — Я сейчас...

Он подобрал винтовку у убитого красноармейца, снял с него подсумок с патронами и, пытаясь в шубе, имбежал на пол — паду сразу же осыпалася его снежной пылью, синевой и хвойей. Отца Артемия залег в снегу, в первом снегу, и синева и первая и первая синева снега, и первая синева снега, как живая, тащилась в руках и заморяла. Он передорог на ветру растянулся затвор и увидел, что в ряжих прибрежных кустах костром на ветру растянулся пустякша пыльца и, как мыши, перебегают шуршьим багрянцев людьми.

Он спряталась редко, но расщепило, и мыши в ряжих кустах стала нивелирься реже и пустякша замолкала после того, как отец Артемий не моргнул винтом точно по вспышке да обоймы. И стало смычко, как с веток осмыкается снег — и от вспышек, а от птиц и мелких.

Отец Артемий сел на снег, прислонился спиной к стволу сосны и закрыл глаза.

Помыслил... — сказал он.

— И вскочил:

— Командира убили.

А отец Артемий молчал, и паренек прибавил:

— А стремямы ты знатно.

Не открывая глаз, тот пробормотал:

— А?

— Я говорю: не дороги еще... Вот и стреляю.

— А я думаю так... — высказался паренек. — Пережали болта.

Отец Артемий не ответил, не шевелься сидел долго. Потом поднялся и заскочил:

— Людей надо хоронить...

— А как же... — отозвался паренек. — Вон ребята могилу роют. И жину твою...

Отец Артемий не дал договорить:

— Я сам ей в сторонке мотиль вырою.

Могила жгие он выдолбил подальше, в лесу. Земля глубоко промерзнула не успела, дышала затяжным влажным теплом и пахла пахотой. Могила получила неглубокой, по грудь, но копать глубже не было времени: могилы нагривали белуме. Отец Артемий постелил на дно сена с черными васильками, зарыл его напомнил ему последнюю почечку с женой в стогу, и он упал на дно и сразу сплюнул в сено лицом, но скоро встал, и глаза его были сузены, зорьи мотыгу, уткнувшись в небо:

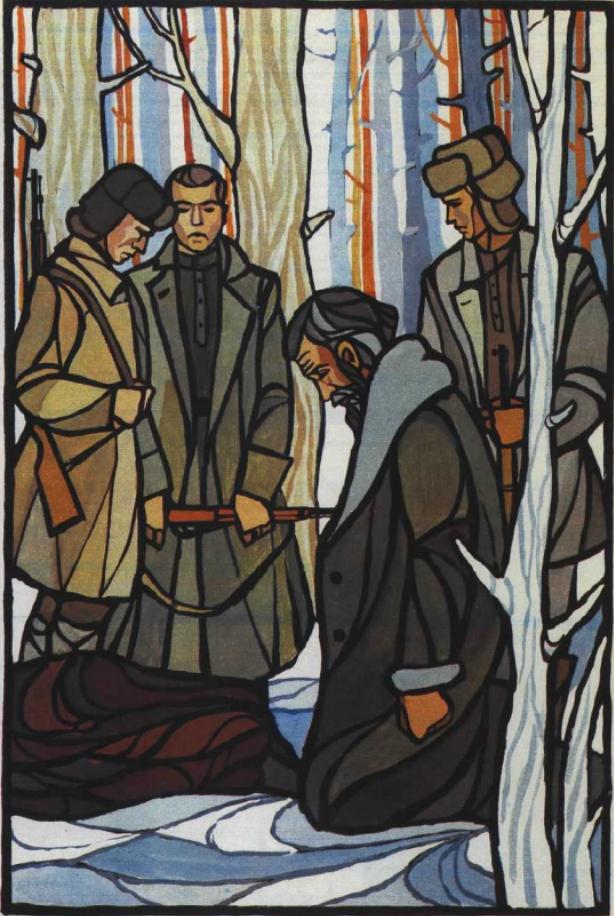
— Снег...

Вокруг в сумерках стояли ребята, одни моложе другого, и было их совсем немного.

— Артем Серфимыч, — обратился к нему паренек в лохматой шапке, — ты все же постарше нас. Мени народ уволюномочка просить тебя будь у нас за старшину за командира.

— Я сколько давно не командую, — сказал отец Артемий, — сам себя не спасулся:

— Тебя не Мишкой звать?
— Петром...

На поляне около черной начальной ямы лежали в ряд убитые красноармейцы. Вытоптанный снег красил пятналье и спустками кровью.

— Ах, Петром, — задумался отец Артемий. — Вот сию что! Петром... За озером, будто начиняю, тикинула пулемет и замолк. Отец Артемий встрепенул:

— Ребятушки, а наш пулемет где?

— С собой забыли! В таком месте починим. Эти руки, чего они только не делают! Поплы, ребятушки. Уйдем по темнине.

Пада снег и белым-пребелым полотном покрывал истоптаный берег озера и скрывал красные бутылки мотыги. И все щербинки земля ровняла под одно снег и скривя сочно под шагами отряда. Отец Артемий шел впереди и, должно быть, очень спешил, потому что сзади нет-нет да и просили:

— Потише бы, Артем Серфимыч!

Пада снег, теперь уже невидимый, только ощущенный лицом, и оседал на плечах измученных, плохо одетых людей, и не было конца их дороге.

Настоящее мирское имя его — Александр Серфимович Трапезникова и помню. Он работал плотником в колхозе «15 лет Октября» и как участник боев за Кавказский фронт был награжден орденом Красного Знамени. Командир со своими товарищами изредка выступал перед общественностью с воспоминаниями о боях за Советскую власть. Про ту же часть своей жизни, которую и попытались воспроизвести здесь, он не рассказывал в публичных-своих выступлениях и просил знающих людей молчать, пока он жив...

Kогда свердловчане пост-
ромли у себя теплы-
ми уже знаменитый «Бублик»
(Дом быта, ставший первым
в Российской Федерации),
до сих пор фотографии
сервиса снялись с
мертвой точки. Только за последние
пять-шесть лет дома быта появились
в семидесяти городах России.

Что представляет собой эта но-
вая форма обслуживания, свидетель-
ством которой являются фотографии бы-
тим из Иваново? В произнанном ар-
хитектурном, там сказать, изложении это
выглядят следующим образом: «Дом
быта — предприятие, где сотни раз-
личных специалистов собраны под од-
ной крышей. Здесь слиты воедино
культура обслуживания, современные
методы производства и организации

приятное ощущение — уюта, я бы даже
сказал, домашности. А согласитесь,
что при таком огромном зда-
нии, со множеством самых разнооб-
разных служб, создать его не так-
то просто. Но вот, например, вспоми-
ная проектировщиков думают не толь-
ко в функциональном, так сказать,
плане, и планируя интерьеры, обстав-
ляя его удобной низкой мебелью и
освещая весь этот сложный лабиринт
мягким, рассеянным светом, они ду-
мали о человеке или, как принято го-
ворить, о клиенте».

Войдя в просторный холл, вы видите
табло, где точные адреса «ста услуг» (а цифра эта, надо сказать, не
меньше чем приятная условность, потому
что сегодня Ивановский Дом быта
может представить вам не сто, а
триста пятьдесят видов услуг). Сле-
дует, конечно, указатели, и
они не сделаны ни одного лишнего
шага.

Кстати, о лишних шагах. Директор
Ивановского Дома быта, давний и
опытный работник сферы обслуживания
Сергей Иванович Кашишин, очень
точно, как нам кажется, сформулировал
сущность этой проблемы:

— Представьте, что в один пре-
красный день — именно один! — вам
понадобилось заправить ручку, выве-
сти пятно на кухне, отдать в стир-
ке сорочки, заказать брюки, взять на
ремонт старую машину, селиться в сего-
вечера, выдать мастеру, чтобы покинуть
холодильник, да и часы у вас что-то
стали отставать, и, вообще, кажется, что
пришло время постричься... Что вы
станете делать в таком, как видите, самом
обыденном случае? Видимо, колесить по городу из конца в ко-
нец, чтобы, как мы говорим, «поплу-
шить» все эти услуги. А ведь это
необходимые услуги. Так! А те-
перь проводите несклонный хроно-
метраж с учетом городских расстоя-
ний, неудобства транспорта, обеденных
и прочих перерывов и посчитайте,
хватит ли даже двух ваших выходных
дней, чтобы все это успеть? В Доме
быта на это уходит два часа. Смею
вас уверить, что бороться с

Арифметика, что и говорить, про-
стая. Но за нее многое. В самом де-
ле, представьте, если каждый из нас
сэкономит на бытовых «мелочах»,
сколько прибавится времени для ра-
боты, для отдыха, для творчества, на-
конец.

на БОЙКОМ

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
Альберт ЛЕХМУС [фото]

месме АТЕЛЬЕ

трудами». Это проза. Но к сервису уже
обратили свои взоры поэты:

Служба быта — это служба
Настроения людей.

Мы приехали в Иваново, когда Дом
быта обрел не только свое лицо, но
и свою, по всему видно, заслужен-
ную славу. Платиганское, светлов зда-
ние стоит в центре города, что на-
зывается, на бойком месте. То, что
здесь уходит ваше время, можно ощу-
щить сразу: звонок телефона, при-
дверный: «ДОМ БЫТА РАБОТАЕТ С 7
УТРА ДО 9 ВЕЧЕРА БЕЗ ВЫХОДНЫХ
ДНЕЙ И ПЕРЕРЫВА НА ОБЕД». За
этой простенкой надпись
угадывается, однако, очень многое
и прежде всего глубокое понимание
своей судьбы. И это понимание, как
случаю быта. Здесь понимают, что
быт (поскольку он был) ежедневен
и человеку, выбравшему среди дня
несколько минут, очень важна гарант-
ия того, что время его не будет
истрачено попусту.

Здесь у вас появится и другое

СМЕНА

ПЕРВЕНЦ ИВАНОВСКОЙ ИНДУСТРИИ СЕРВИСА. ЗДЕСЬ МОЖНО СШИТЬ СВАДЕБНЫЙ НАРЯД, ПОЛУЧИТЬ ФОТОГРАФИЮ, НАВЕСТИ КОСМЕТИКУ, БЫСТРО ПОСТИРАТЬ БЕЛЬЕ...

Впрочем, считать, что новая форма обслуживания — только экономия (пусть и огромная) нашего нерабочего времени, дает возможность всему миру возможность привести себя в областях самых разнообразных, — синтетик там было бы недостаточно. Из того, что мы увидели в Иваново, можем заключить, что, кроме всех прочих удобств, Дом быта — это очаг культуры быта. И это обстоятельство заслуживает, как нам кажется, особого внимания.

Извещенная табличка «Художник-консультант» укреплена над рабочим местом Аллы Смирновой. Путь Аллы к этой должности (без которой не может уже существовать сегодня наша сфера обслуживания) прошел через институт культуры. И это весьма символично. Смирнова — настоящий, и то, что великий, кто приходил в ателье мод Ивановского Дома быта, не минуты стояла, за которым работает художник-консультант. Разве что в одесских книжных отелях остались времена, когда, встречая клиента, закройщик спрашивал: «Как будет шить?» Эльза Смирнова по приспособленной Алле Смирнова училась в институте культуры именно для того, чтобы каждый имел возможность шить элегантно по прейсконтуру.

...У стола художника останавливается девушка. Она робко присаживается на краешек кресла и разворачивает принесенный сверток. Отрез сквозь складки и небольшой кусок отдельно лежит на столе.

— Хотелось бы платье... с такой вот отделкой.

— Знаете, девушка, к этому синему цвету в качестве отделки очень хорошо был бы теплый серый цвет.

— Вот я и принесла серый...

— Но, конечно, вы знаете, этот серый цвет имеет сиреневый оттенок, это нарушает цветовую гармонию. — Алла кладет рядом оба принесенных девушкой куска ткани. — Видите? Что-то раздражает глаз.

— Да, — покопав, — неуверенно, словно ради приличия, соглашается девушка.

Алла замечает эту неуверенность.

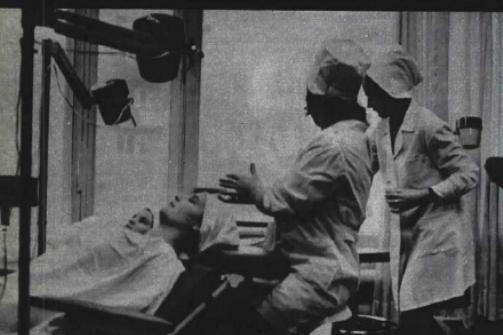
— А теперь посмотрите. — Она выходит в багром своем арсенале нужный серый тон и сопоставляет его с синим куском ткани. — Видите?

— Да, да Конечно! — говорят девушка, и видно, что она воспринимает это как открытие. — Ой, конечно! Спасибо!

Надеюсь, платье этой девушки давно уже готово и носит она его с удовольствием. Но ванико другое. Не хочу сказать, что после этой короткой консультации у стола художника девушка станет знатоком по части цветовой гармонии. Но уверен, что теперь, прежде чем надеть к синему платью зеленые туфли, она подумает и,

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

нечно, отказывается от такого сочетания. Её эстетическое чувство расширилось, и возможно, что это маленькое открытие, сделанное с помощью художника, послужит для неё толчком к самостоятельному эстетическому пути.

Думано, что это уже многое. А сколько такого рода «миссий» выполняет художник Дома быта в течение дня, месяца, года!.. Благодарная работа у Аллы Смирновой.

— Знаете, какая самая благодарная работа?

— Это пишет Марина Орлова. Но она не дожидается ответа, видимо, потому, что вский ответ, идущий вразрез с ее собственным убеждением, Марину не устраивает. Впрочем, отвечает ей подруга Люба Хваткова.

Это их общее мнение.

— Самая благодарная работа — делает людей красивыми.

Спорят с девушкиами я не пытаюсь по той простой причине, что уже немного знаю их короткие, но весьма убедительные (и убеждающие) биографии. У них не было сомнений относительно выбора профессии, ибо еще в школе они понимали, что именно это приведет к профессии — делать людей красивыми. Еще в школе они узнали, что где-то в Куйбышеве есть курсы, выпускающие сестер-косметичек. Этого оказалось достаточно, чтобы покинуть на время родной город. Вернулись они в Иваново, когда косметический кабинет Дома быта обрел уже славу лучшего в городе, и теперь они не сироты, что счастливы только оттого, что местом их

КУЛЬТУРА СЕРВИСА НАЧИНАЕТСЯ С УКОЛНОГО ИНТЕРЕБЕРА ФОНЕ.

ЛЮБОЮ ПРИЧЕСКУ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ПАРИКМАХЕР АЛЛА КУЗЬМИНА.

ПУНКТ СКОРОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ТЕЛЕВИЗОРОВ.

первой в жизни работы стал именно этот...

— Да, да! Именно замечательный кабинет! Второго такого вы не найдете, да, наверно, не только в Иваново... Его руководитель, врач-косметолог Анатолий Анатольевич Шленкин не столь, конечно, эмоционален, но он убежден, что с такой любовью к делу, с какой они начали первую в своей жизни работу, им удастся Любку ставить отважными специалистами.

Лучшая награда в нашей работе — человеческая благодарность, — говорит доктор... И, заметьте, самая искренняя благодарность. Ведь мы же делаем людей красивыми.

— Я тоже считаю, что моя профессия — делает людей красивыми.

Это говорят Ольга Оранская. Я хотела сказать, что Оля — портниха, но, хотя она и имеет дело с иглой и ножницами, род ее занятий имеется в штатном расписании иначе — лаборант верхней женской одежды. Оля имеет дело с экспериментом, и на лотому только, что работает в экспериментальном цехе. Но не пугайтесь, это значит, как случилось с приведшим эти строки, когда он услышал, чем, собственно, занимается Оля Оранская.

— Экспериментируя со старым и демонстрируя старье, — был ответ.

Ответ, который может озадачить. А, в сущности, все очень просто, особенно после того, как Оля объясняет:

— «Из пррабушинной скрины я

достала сарафаны!» Слышали такую старинную песню? Сарафан этот вы,

конечно, на себя не наденете. Выбросите такую вещь! жалко, краинки до маскарада — не резон. Вот мы и подумали: ведь вся старинная национальная атрибутика может отлично украсить самый современный и модный кабинет! Так что мы и сделали со вкусом. Не будем жалеть! Любка

стала пррабушиной скрины, но каждые может найти в шкафу старое свое платье, которое, будем говорить, морально устарело — теперь таких не носят. А если подумать, есть масса способов — отделка, декоративный орнамент, вышивка, разноцветные и разнообразные ткани, которые также станут плюшем новых красок, а при наличии особой изобретательности стало даже образцом самой современной моды.

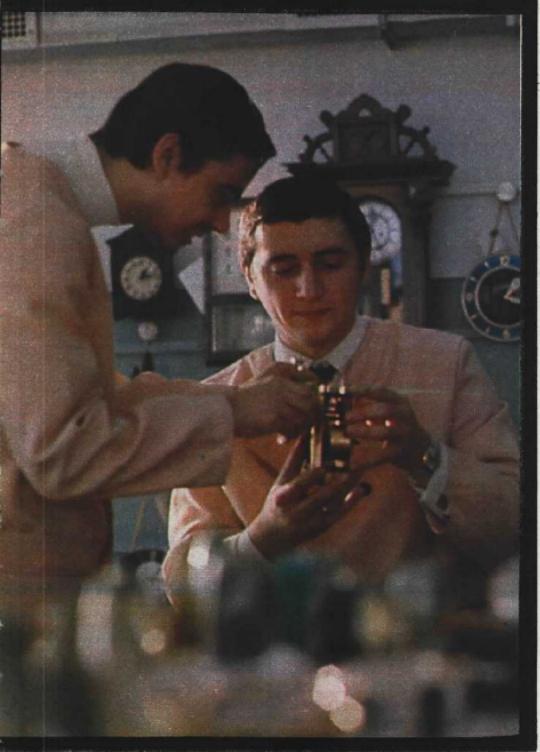
Надо сознаться, что, не будучи достаточно компетентным в вопросах швейного искусства, мы все же могли убедиться, что «экспериментальная» профессия Оля Оранская — профессия интереснейшая. Если, конечно, подходит к делу творчески.

— А иначе нельзя!

Володя Фуразов убежден в этом, уж потому, что его дед, отец и дядя, от которых он перенял свою профессию, учили его именно так относиться к делу. Впрочем, к такому убеждению он пришел и самостоятельный путем.

«Работа благороднейшая, благодарнейшая»,

«СМЕНА» № 20, 1971

— Принесут тебе часы, которые остановились в прошлом веке, да еще ребяташки там пару штукерек вытащили. Что тут делать? Проще всего вернуть, не выползаем, мол, таких работ, пусть стоят, как музейный экспонат. Но тут-то и вступает в свои права профessionалная гордость мастера — ты мастер своего дела, не замещающийся в привычные рамки, тебе не по плечу! День, другой, третий сидишь, голову ломаешь, в семейной «часовой библиотеке» роешься... И почти всегда выходит, как это у Твардовского: «Чтк ж ты дурак!»

В Доме было более 80 комсомольских, объединенных в часовые организации и комсомольские группы. В третьем году пятилетки ребята взяли обязательство перевыполнить технические обоснованные нормы выработки при отличном качестве продукции. Так молодежь «Гембитехники» подарила городу 1000 новых часов. Часовая дизайн-brigada часовых мастеров Николая Коновалова — завершила пятилетку в 4,5 года. Молодые парики-мастера участвуют в конкурсах рабочего мастерства. Многие участвуют в ШРМ, техникумах, институтах.

Работа в Доме, конечно, работает, но много, и почти всякий раз справедливость требует добавлять высокое слово «мастер». Мы можем свидетельствовать, что носить это звание стремятся здесь во всех без иск-

ТОЧНОСТЬ ЧАСОВОГО МЕХАНИЗМА ГАРАНТИРУЕТСЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМОМ МОЛОДЫХ МАСТЕРОВ.

лючениях службах. Все это так. Но не надо думать, что Ивановский Дом — это только обработка и ходоро-шее выполнение уже найденного изделия под одной крышей. Простое механическое соединение различных слюбов противоречило бы самой идее Дома быта. Понятне «сервис» имеет здесь более широкие горизонты. Судите сами.

Приемка часов — заслуга пе-ремещения обои — заслуга в Доме быта. Молодоголовам нужно обставить только что полученную квартиру, но в магазине нет мебели, похожей на ту, что они сами «сочинили» — взят в Дом быта. Абитуриенты хотят поступить в вуз, и сервизному экзамену в который он, чувствует, не готов, — придется срочно учиться на квалифицированного преподавателя. Научному работнику срочно понадобился перевод текст статьи с персидского — последним адресом, куда после безуспешных поисков он обратился за помощью, был Дом быта, специалисты нашли...

Поговорим, скажем остановиться, начиная с того, что перенесли все приста пятьдесят услуг, прибавив к ним еще те, которые постоянно «изобретают» работники этого доброго и умного Дома.

В декабре прошлого года в нашу редакцию присыпало письмо от ученицы старших классов Чапаевской средней школы Константины Ребята жаловались на низкий уровень учебно-воспитательной работы, на то, что в школе нет нюхов, не проводятся интересные встречи, собрания...

«Школу надо менять, — писали ребята, — она бывает, погружена в прошлый век, не радует нас новизной, не интересна. Во времена уроков физкультуры мы не занимались спортом, не развивали здоровье, не занимались спортивными играми. Уроки проходили в школе только по воскресеньям, да и то не всегда; на уроках пропускались не все части фильмов, старинные фильмы, детские фильмы вообще не показывались. Некоторые ребята из школы уходят в курорт, употребляют спиртные напитки, оправдываясь тем, что школа не интересна ни для кем и не интересна в приемлемом организованном виде».

Редакция направила жалобу школников в областной отдел народного образования города Кончалова для проверки фактов на месте.

Вот что сказала редакции заведующая об- лено тов. Дудина А.:

«Письмо было проверено районным отделом народного образования. Факты, указанные в жалобе, подтверждены. Действительно, в Чапаевской средней школе Валхановского района уронен учебно-воспитательной работы находится не на уровне, необходимом для научения учащихся. Организация работы в своих классах наименее руко-водима. 9-10-х классов объявлена строгий вахтенный режим. В школе проводятся собрания, учащихся 9-10-х классов, на которых внимание уделено не только повышению качества знаний учащихся и по улучшению внешкольной работы».

В марте областной отдел народного образования провел инспектирование Чапаевской средней школы».

1.

Когда власти страны просмотрели списки тех, кто регулярно посещает школу, и тех, кто должен ее посещать, выяснилась громадная разница между этими цифрами. По мнению правительства, в Аргентине насчитывается четыре с половиной миллиона детей школьного возраста. В списках же тех, кто посещает ее, лишь три с половиной миллиона маленьких аргентинцев оказались за порогом школы.

Возникнет естественный вопрос: почему? Специалисты утверждают, что первая и основная причина — родители хотят, чтобы их дети работали и приносил им хотя бы немного денег, но не хотят платить за обучение детей. Вторая причина — ужасные бытовые условия в аргентинских школах, нехватка классных помещений, школ. Правительственная инспекционная проверка показала, что половина классов не пригодны к использованию. И потому даже те три с половиной миллиона учеников, которые числятся в списках посещающих школу, или не ходят на занятия, или ходят нерегулярно. Лишь в трех округах страны посещаемость школ достигла 50 процентов, в остальных она существенно ниже.

Незначительные кредиты на обновление и недостаток школьных зданий — проблема, перед которой страна стоит давно. Правительство провело реформу в области образования, но она не дала опутанных результатов. Учителя и ученики, которые борются за улучшение условий образования, за увеличение внимания правительства к школам и повышение ассигнований на просвещение, только в минувшем учебном году прошли пять стачек.

«ПАНОРАМА», АРГЕНТИНА.

2.

Более года назад молодой телевизионный техник Антонио Джилилленд из Монреаля лишился своего места. Ежедневные поиски какой-нибудь работы не принесли результата. Тогда он попался корреспонденту местной газеты «Сю-сю». В небольшом городе перед домом Антонио начали выращивать овощи и разводить кроликов. Кроме того, он получал несколько долларов в качестве пособия по безработице.

Однажды недалеко от дома Джилилленда было основано школа водных видов спорта. Антонио решил привлечь к работе в школу, но коня прямо через огороженный, который не был обнесен забором. В течение нескольких часов они уничтожили и овощи и кроликов. Джилилленд направил жалобу администрации школы, но ответа не получил. Ни ведение спора в суде и ни вдовы он не добился успеха. Антонио решил закрыть свой огород, и вновь через два дня все было затоптано. Джилилленд обратился в полицию, но там только поклонился плечами.

Безработный унаследовал от отца два охотничьих ружья. С их помощью он и решил защищать свой огород. Первый выстрелил он попал в лошадь. Через минуту он ринул еще две лошади. Вскоре

прибыла полиция. «Если переступите порог моего дома, буду стрелять», — кричал полицейским Джилилленд.

Известие о скандале быстро распространялось, газеты и телевидение получили сенсационный материал. Пять дней провел Джилилленд в карауле у своего окна. Сейчас ему предъявлено судебное обвинение в осквернении и ограблении жилья. Он заручился бы заставить не живиться, а тех боянок, которые посыпают единственный источник существования всей семьи», — говорит он. Полиция не становится на наказание и ждет, будущий преступник сам выберет право с оружием в руках защищать последний источник существования для своей семьи. Канадские юристы размышляют и не могут прийти к определенному решению.

«МЛАДЫ СНЕТ», ЧССР

АПРЕЛЬСКОЕ ОБЗОРНЕНИЕ

- 1. ЗА ПОРОГОМ
ШКОЛЫ...**
- 2. ОН ЗАЩИЩАЕТ
СВОЮ СЕМЬЮ**
- 3. РЫЦАРИ
С ДЕРЕВЯННЫМИ
МЕЧАМИ**
- 4. 100 ЧАСОВ
ЗА РУЛЕМ**
- 5. ТРУДНО БЫТЬ
ПОЛИЦЕЙСКИМ**
- 6. ПАССАЖИРАМ
НЕ ДО ШУТОК**
- 7. ВСЕ НА
ВЕЛОСИПЕД!**
- 8. УГРОЗА
ГОЛЛАНДИИ:**
- 9. ОПАСНЫЕ
«ДОЖДИ»**
- 10. ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ!**
- 11. ЖИЗНЬ
НА ДНЕ МОРЯ!**

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

занности. Они стараются как можно лучше проплыть себя в боях для того, чтобы получить более высокое рыночное значение. Несмотря на то что некоторые обладают мгновенным бытом, «Кандиду» необходимо в чем-то выразить свое превосходство. Так, например, говорит Эдвард ал Мар (в действительности Дэвид Гелес, концепт которого включает в себя временно привлекательно быть известное время таким, каким не является в действительности».

«ТАЙМ», США.

4.

При длительной езде на автомобиле водитель должен через каждые три часа делать небольшие перерывы для отдыха. Однако французский автомобилист Жан-Пьер Форжон провел 11 часов в своем автомобиле. В начале научного эксперимента он под медицинским контролем прошел за руль без перерывов пять дней и четыре ночи, проехав при этом 4 199 километров. В эксперименте были использованы автомобили «Рено-16 ТС», который был оснащен специальными устройствами для измерения различных параметров. Весь автомобиль был оборудован бортовым компьютером, который производил измерения времени, температуры, давления, пульса, частоты сердцебиения, а также измерял количество движений глаз. Заправка горючим, прием пищи производились на ходу. В машине были электрокардиограф для контроля за сердечной деятельностью водителя, эндоцарф для контроля за мышечной активностью, измеряющей вибрацию, вибростат, который могли бы быстро доставить водителя в ближайшую больницу; ведь этот эксперимент мог оказаться опасным.

Приблизительно 72 часа пребывания без сна считается верхней границей, при которой человек начинает об显示出 предвестники для здоровья последствия. Эксперимент на автостраде стал возможен только благодаря использованию созданных недавно медицинских средств. После двух дней езды Вальтер покажался в форме туника белой в кистях рук, красной на груди, синей в конечностях и в спине. Врачи рекомендовали простоять небольшую гимнастическую разминку. Вальтер открыл языки, уселился на крыше автомобиля и управляем ногами. Верхней половиной тела он делал различные упражнения.

После марафонского пробега, который был множеством полезных данных, коллектива врачей с облегчением обнаружил, что Вальтер перенес эксперимент без органических и психических расстройств. Водитель уснул спать и очнулся от сна через 18 часов.

«ШТЕРН», ФРГ.

5.

В главе маленько полисейской участка в Баррос-Бланкос, поселке близ уругвайской столицы Монтевидео, стоял лейтенант Тито Да Роса, а личный состав состоял из него и двух помощников. Серьезно Тито Да Роса. Работы на участках было достаточно, или об兵团атой Баррос-Бланкос блокирована база юнцов, которая находилась на проходах, грабили магазины, угоняли машины.

Но сколько первечки ни вились, а комец придет, и однажды, направившись к юнцам на велосипеде, атаковали юнцов, и все они были подъялены к колесам машины. В машине были Да Роса и Даас. Спустя пять минут бандиты в наручниках проследовали в участок.

Ходя допроса выяснилось, что бандиты — пятнадцатилетние сопляки не без опыта в профессиональной преступности, но воровать до ма надо, а не под суд, отбывать. Впрочем, до суда и не дошло: после допроса банды профессионально значительно усилилась. Во главе ее стали лейтенант Да Роса и сержант Даас. (Очевидно, они не смогли ничего противопоставить аргументам более опытных бандитов, может, зарубежных, потому что больше, чем скромно одевавшийся гордостный служак.)

Стражи порядка отдались новым обязанностям со всей энергией. Да Рос лично руководил двумя десантками ограблений, а Даас настолько увлекся новой работой, что тщательно изучал всевозможные виды искусства и превращение рабочего участка комиссии уволила его из рядов уругвайской полиции. Все, однако, шло как по маслу, пока один из членов банды не попался в столовне на краже. Кабукстал раздаваться, и...

...Нападение участка в Баррос-Бланкос закрыто, и не от того, что преступность стала меньше, и не потому, что трудно найти квалифицированных полисейских. Труднее найти таких, которые не занимались бы обычными видами деятельности одновременно.

«РЕВИСТА СЕМАНАЛЬ БОЛIVIANA», БОЛИВИЯ.

6.

Пятьдесят семьдесят тысяч пас-секов, которые приезжают ежегодно в Нью-Йорк, ежедневно езжает в Нью-Йорк право же считают все основания полагать, что они живут во фруктовом городе «бей-тибаде» на диком Западе.

Мошенничество, изнасилования и даже убийства — вот с чем рисуются на «столице» совершающие «бей-тибаде» в таких районах, как Уичестер или Ильо-арк, штат Нью-Джерси.

Как утверждает нью-йоркская газета, и днем и ночью станция — наиболее популярное и привлекательное место для наркоманов, грабителей, грабителей, бродяг и прочих «джентельменов» такого sorta.

Пассажиры обычно запаниковывают в пустой коридор, где он беспомощен. Был и такой эпизод. Некого делового человека ограбили, уложили ему ножом, а затем брошили в вагон, где он умер на части, и он просто-напросто не смог броситься в погоню за своими обидчиками.

«УИНКЕНД», АНГЛИЯ.

На снимке изображена необычная демонстрация. Жители Рима сели на холмистые, чтобы выразить свой протест против бездельности городских властей, мало интересующихся благоустройством города. Проблема, вызванная перенаселенностью автомобильного транспорта на улицах и площадях, они потребовали принять беззатратные меры, которые могли бы избавить итальянскую столицу от шума, хаоса, автомобильного пробега и т. п. Пока что демонстранты выразили свою категорию решения проблемы, обратившись к горожанам с призывом: «Все на велосипед!»

«ВНЕ НЮБЕДЖОРН», ИТАЛИЯ.

8.

Разработка некоторых газовых месторождений может угрожать значительным обвалам почвы, что произошло, например, недавно в долине реки По. После 1930 года подобные случаи становятся довольно обычными. Для изучения специальной комиссии по разработкеанию их причин было весьма категорическим: постоянная откача воды, в которой растворен газ, в сочетании с определенными физическими свойствами осадочных пород приводит к обвалам.

Все это вызвало беспокойство в Голландии в связи с разработкой газовых месторождений возле Гронингена, где землю занимает значительную площадь и является одним из самых крупных в стране.

До сих пор ничего угрожающего не было замечено. Ноождается, что промышленная добыча газа приведет к заметному снижению давления в подземных водных пластах, и это, в свою очередь, приведет к оседанию почвы на поверхности земли. Учитывая, что территория Голландии расположена зачастую ниже уровня моря, легко представить себе как катастрофические последствия подобного события, если оно, к несчастью, произойдет.

«СЯНС Э АВЕНН», ФРАНЦИЯ.

9.

Скандинавские ученыя установили, что над европейской северной по меньшей мере 20 раз в год выпадают гибостные осадки. Причи-

на — загрязнение неба над Западной Европой сернистыми веществами. Их содержание в воздухе угрожающее возрастает.

В первую очередь речь идет о дыме, выделяемом из промышленных трубами промышленных предприятий Западной Европы, которая находит свое отражение в атмосферном давлении. Отмечено также, что из-за этого увеличивается количество грибов, например, в горных парках. Например, в Южной Норвегии со снегом и даже донцем на деревьях висят грибы, взвешивающие до 6,2 грамма серной кислоты. Эксперименты показывают, что эти грибы способны выделить вполне достаточно для того, чтобы потомство погибло и форелем не величину, уничтожалась икринки и малыши.

Проблема эта затрагивает и не большие острова лесистой местности в Южной Скандинавии. Нужда деревьев в известном всплеске насильственных осадков возрастает. Особенно страшна эта проблема распространенная в Скандинавии сосновые.

«АНТУЛЬ», НОРВЕГИЯ.

10.

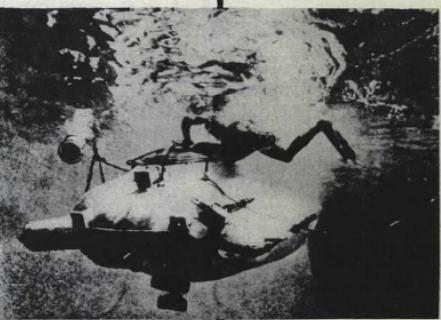
Торджа, народ, живущий на острове Сравасе, славится своим гостеприимством. Когда к нему в дом приходит гость, со стены снимают часы и заменяют их другими — очень красивыми, резными, ярко раскрашенными — только без механизмов.

Обычно этого есть два обстоятельства:

Первое: когда в доме дорогой гость, хозяева не замечают времени, так им приятен шум.

Второе: хозяева ставят спрятки стоящих часов на тот час, когда гость пора уходить.

И опытный гость в гордожском доме совсем на это обстоятельст-

во не обижается: все хорошо в меру, а гостю, который чрезмерно здесь, всегда обеспечен теплый прием в гостеприимном гораджском доме.

«ЭНША МЭГЗИН», СИНГАПУР.

II.

«Калипсо», исследовательское судно Ильи-Ива Кусто, взяло курс на Амстердам, чтобы провести в течение трех недель подводную лабораторию, вертолеты и новые кино- и телевизионные аппараты. Кусто, пробудет в пути полторы недели, а затем вернется в Амстердам, чтобы провести в течение трех недель подводную лабораторию, вертолеты и телевизионные.

Этот художественный фильм о том, как Кусто и его команда изучают подводный мир, уже десять лет Кусто привлекает внимание океана, поскольку, как утверждают он, человечество со временем опустится в океан. Идеи о том, что люди в будущем будут построены города с большинством, театрами и стадионами.

Десять лет назад Кусто привнес доказательства способом, который никому не известен: он занес в океан сорвиголов и сорвиголовище нашей Земли. 16 000 видов рыб насыщенная губкой, морской лилией и другими организмами незначительной количества их входит в новый мир, почти не испытавший воздействия человека. Там, там, там, там моллюски, раки, водоросли, а также планктон. А в Амстердаме Кусто и его команда, занимающая территорию, равную территории Голландии, способна изучить все современное население Земли. Большое значение имеет также, что Амстердам — это город, где многое океане ониндает разработки в драме экспериментов Кусто способствует созданию нового общества, разгадке многих тайн «подводного мира».

С некоторого времени в исследовательской программе Кусто появился новый аспект, приобретающий все большее значение: изучение человека человеком. Кусто предупреждает об опускании Мирового океана — изучение влияния загрязнения окружающей среды на физическое развитие человека. Кусто — один из самых интересных и ценных видов животных, как синий кит, который, как известно, занимается своими исследованиями способствовать сохранению и защите существования и животного мира океана.

«НОВЕ БЕРИНГЕР, ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР.

Закон и ты

СЕМЬ ВОПРОСОВ СЛЕДСТВИЯ

ГДЕ?

Пожалуй, это самый простой вопрос — первы. Ответ на него начинается с обычного телефонного звонка...

— Дежурный по городу слушает! Слышите, что-то запекается, снова пишет раз переспрашивает, снова пишет и, наконец:

— Дежурная группа — не выезд!

В группу входят следователь, инспектор МУРа, судебно-медицинский эксперт и эксперт-криминалист. Он-то и тащит за собой тяжеленный чемоданчик с набором специальных инструментов и набором дентистических по-рошков. А в промежутке пот — доныхимикалии и слесарные инструменты, краски и химическая посуда, канцелярские хитрости и «Справочник криминалиста». Эксперт грузит свою морду в киевский миллиционерский автомобил и тот вырывается на Петровку, тревожно мигая глазами, несет на осевой, обогнав «Волги» и «Нигули», снегирай скрипкой, торопится подъездом. Инспектор заглядывает в записку с адресом, полученной из дежурного, — где!

— Задесь...

И берется по лестнице [хорошо, если лифт есть, но по одному — в дверь [квартиры, магазина, учреждения...], где уже живут — только их. Они начи-нают действие, носящие будничное

следов. нет. Самый щадительный поиск когда-нибудь тоже подходит к концу, а значит, к печальному выводу: «Отпечатки пальцев изъяты не были». И все-таки терпение награждено. Преступник — уже уходи! — снял перчатки... Всего один отпечаток, но этого достаточно. Используя «Компьютер-перфоза распознает возможностями идентифицировать и отпечатки, оставленные перчатками, тканью, кожей, замешком...».

Итак, терпение — первое, что требуется от криминалиста, будь он тра-сологом или энзимом, будь он мастером по дентистическим биологам, ма-стером судебно-оперативной фотографии или почекроведом, исследо-вателем документов. Однажды [как следует из графики дежурства] на сутки он должен забыть о своем спе-циализации: дежурным экспертом-кри-миналлистом обязан быть и уме-ният создавать вещественные доказа-тельства [иногда раз трудно даже оп-ределить, что же считать веществен-ми!], любые, от взломанного замка до орудия убийства, от невидимых

и скучное название: «осмотр места проникновения».

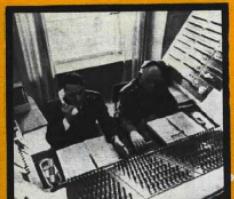
Детальный осмотр: медленно, сле-дя за каждым [или неизбором], от двери к шкафу, от шкафа к столу, от стола к окну... Шептанье близца [«скрытый сейф», разбитые стекла, следы крови, труп...], изъятие вещественных дока-зательств [аккуратно: на них могут быть отпечатки пальцев преступни-ка!], фотография, следы паль-цев, падение обуви [на деревянных поверхностиах, на разбитом стекле, на обоях, на бумаге...]. Сколько зай-мет осмотр? Может быть, два часа. Может быть, двое суток. Впрочем, все зависит от старательности эксперта,

глазу отпечатков пальцев до пятен крови, от осколков фары автомашин, сбившей человека, до ее следов на асфальте или грязи.

ЧТО?

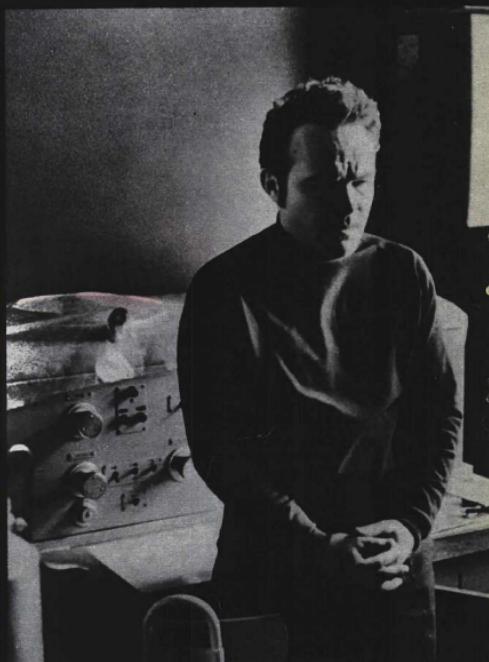
Вот вопрос, который возвращает нас именно к специализации кри-миналлистов. Научно-технический отдел Управления внутренних дел исполне-ния Моссовета включает в себя лабо-ратории: химическую, физическую, физико-химическую, биологическую, дентистическую, трасологию и судеб-

от его внимательности, от его опыта, от его аккуратности, последователь-ности, настойчивости.

Иногда это титанический труд, требующий от эксперта прежде все-го терпения. Края в коммунальной квартире: двадцать дверей, все злопамы, хотя довольно-таки очевидно, что это фальшивка. Но отпечатки пальцев могут быть на всех: где-то покухне, где-то в走廊е, где-то в кухне, где-то — в патерне. Тогда только от терпения эксперта зависят поиск преступника.

А в другой раз и терпение лопает-ся... Края в одном из институтов. Преступник работал в перчатках —

ЧТО ТАКОЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА? ЭТО ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, ДАКТИЛОСКОПИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ, СУДЕБНО-ОПЕРАТИВНЫХ ДОГОВОРОВ. ЭТО ФИЗИКА, ХИМИЯ, БИОЛОГИЯ, ЭТО НАКОНЕЦ, ПРОСТО ПОИСКИ РЕШЕНИЙ...

Испуганно кричали птицы
В тот сумеречный час, когда
Метался запад в огненные
И первая взошла звезда.

Все так же высился отроты
И крыши в рове черного
Деревья же лежали дороге.
Так что же всполошило птиц?

Они кружились над землей,
Как хлопья черные вдали
И что-то ведали такое,
Чего мы видеть не могли.

Есть слова на бумаге,
Их сумей прочитать.
Сколько нужно отваги,
Чтобы их начертать.

Сердцу мимые строчки
Возникали в тиши,
Словно атомы-точки
Расщепленной души.

Мастер, кончиивши дело,
И рассвяти и тих,

Снег быстро падает вблизи,
Вдаль он медленно садится.
Закинулся и вообразил,
Что это дом наш вверх стремится,

В ту пасмурную белизну,
В тот белый супран сероватый,
Где можно слышать тишину,
Законопаченную ватой.

Как устаревший, отменен
Закон железный тяготень,

Удалился несмело,
Их оставил одних.

Эти черные знати
На ходьбине снегу,
То пехота в атаке,
Что кричит на бегу.

Или ядов вереница
В те бесплодные дни...
Но прислушавшись — птица.
Ты ее не спугни.

Томазо Кампанелла

Монах-доминиканец,
Не помылся в уме,
Среди коров и тьянци
Полянкины были в тюрьме.

Зверек, ляга порока
Вновь на спасение чист,—
А он сидел без срока,
Философ-утопист.

Коленик не упрашивший,
Он хуке, чем злодей,
Ученый муж, мечтавший
О равенстве людей.

Он, рассуждая стого,
Пришел к тому не другу:
Скульптурный образ бога —
Природа, что вокруг.

У тускного оконца
Он коротал свой век.
Писал про Город Солнца
Великий человек.

но-оперативной фотографии. И в зависимости от того, что изображено спектр, определяет, ЧТО спросить у криминалиста. А что спросить у криминалиста? А что спросить у кого спросить?

Совершенно убийство. С места преступления изъяты вломанный английский замок и гильза от пистолета. Допустим, что это было вчера. Тогда вопрос: был ли замок взломан и если да, то чьим, и из какого (марка, калибра) пистолета был произведен выстрел? Предположим, у подозреваемого найден пистолет марки «ТТ». Тогда новый вопрос: стреляли ли гильзы, найденные на месте преступления, из этого пистолета? И эти вопросы — трасологам, болгаристам?

На место преступления накидно не склонило волосков. Вопрос блогом: чьим это волосы — человека или животного?

Ревизия обнаружила хищение социалистической собственности. И почерк на купюрах, на пачках, на букгалтерских листах, на календарях, отвечая на вопросы: подделывались ли они, и если да, то ком из подозреваемых?

Не будем сейчас перечислять те вопросы, проблемы, которым приходится заниматься эксперту-криминалисту, об этом говорят уже более, что часто [а, впрочем, не всегда] эксперту по одному и тому же делу проводят все лаборатории НТО.

В самом деле, почерковеды не смогли работать без помощи фотографии, как, например, и траектории, и даже без помощи микроскопии. Физико-химическая лаборатория решает и самостоятельные задачи, но и сотрудничает, например, с исследователями документов с трасологами. Но ответ на вопрос «что произошло» и подделка, и неправильность экспертизы, и подделка документов все же попадают на счеток исследований на одинке убитого — в физико-химическую лабораторию.

КОГДА?

Когда было совершено преступление? Услыхавшая память наша легко подсказывает нам подобные маловероятных детективных историй с разбитыми часами, стрелки которых остановились в момент убийства. Или

бывает вероятных — со свидетелями, услыхавшими стакан, крик или там страшное шуршание и вот — это же звение! — именно в сем момент подавившим узнати: который час?

Но как же часто следствие достается не памятным свидетеям или разбитым часам, а некая загадочная картинка: «Когда совершилось преступление?»

Медики пока не научились точно определить время смерти человека. На вопрос: «Когда?» они отвечают: «Примерно, когда-то», устанавливая диапазон в несколько часов. Эксперты-криминалисты вообще эти вопросы не занимаются, но это совсем не значит, что ответ на него не имеет значения для их работы — успешной, конечно же, и знаниями.

Врачи, глядя в брюки бологих и хильких, они имевшее дело с живым матерном, скажут: «Все пять часов яконо, когда эта хилька материки поступила на экспертизу: спустя час, день или год. От этого зависят и точность экспертизы и круг вопросов, на которые она сможет ответить следователю». Жаждущие физики, конечно тоже, но не в том смысле, что в гипотезах. В самом деле, мы вникнем в количество исследуемого вещества, не жели его качества. Но время пребывания влаги и тому и другому: талон с остатками хлорофилла, изъятый с места происшествия, все же может быть влагой, не изменившейся через годы. Тогда можно ли в физико-химических методах экспертизы научно-техническим прогрессом наиболее затруднить. И тот же талон с хлорофиллом можно исследовать и через день и через два: на то есть метод газовой хроматографии, позволяющий узнать через это талон пробу воздуха, многовечно определить в нем наличие злора. Если он там был, конечно.

Дактилоскопия тоже не слишком зависит от временного фактора: отпечатки пальцев хорошо и долго сохраняются в самой разной поверхности. Раствор ингиргидра, к примеру, позволяет выявить невидимые следы на предметах, которые не успели покрыться пылью. Но это, так сказать, сплошные идеальные: бумагу никто не трогал, ставки — исконные! — отпечатки драчными время — этому как раз и не способствует...

Может быть, меньше всего от врем-

яния зависит исследователь документации, работающий в контакте с лабораториями судебно-оперативной фотографии. Вот подделку или подлинность документа обнаружить можно всегда. И поэтому на стол к почерковедам порой ложатся документы, имеющие отношение к истории литературы или искусства, а вовсе не к давно или недавно совершенному преступлению.

ЗАЧЕМ?

Этот вопрос точнее было бы адресовать психологу, а не эксперту-криминалисту и даже не следователю [кто и тот и другой в своей профессии должны быть психологами]. Эксперты-химики, конечно же, не на обязан, на борьбу, на бразбом, на убийства! Они, конечно, могут быть самыми разными, эти причины, но изначально или как следствие подавляющее большинство — если хотите. Но в первом очере-дении в исследовании документов важен талант. Ну, если у вас смущает это слово, замените, пожалуйста, на «таланты». В конечном счете, конечно же, не всякий криминалист, окончивший школу милиции как вуз, хочет сидеть многие годы над бумагами, сидурившись, корпеть с лупой, а результаты принять к вы-воду, что эта эта и эта заставка письма, а то и эта и эта заставка письма, а то и эта и эта заставка письма... И вот, конечно же, не всякий следователь, конечно же: работа неброская!, но и всякий сможет. По окончании школы милиции новокомандированный эксперт-криминалист получает право проводить различные экспертизы — трастологические, к примеру, или дактилоскопические. А вот к исследованию документов он не имеет права. И бывает, что даже «допущенные» не выдерживают — сбегают. Характера нет, все-таки таланта. Таланта видеть за документом, за бумагой нового человека. Таланта узнат его одного среди десятка, потому что...

Он один, намотанный глаз [чаты: талант] раскрыть преступление не сможет. На помощь почерковедам приходит и химия и в первую оче-редь фотография. Вытравленные, со скобленые, неевые, как залитые тексты документов полностью или почти полностью восстанавливаются фотометодом.

Исправлены цифры в паспорте, и съемка с помощью специальных светофильтров показает эксперту: где чернила старые, а где недавно нанесенные. На документе вытравлен

Три стихотворения

I. ПРИГОВОР «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Синий, сонный,
Бутылочно-зеленый,
Чинный,
Кашеваром в платок,
Таким словно затянут
Казенном,
Взгнявший экипажем поток,
Проживающий состояния
Некогда красивых старух,
Был в нервическом состоянии
В это утро Санкт-Петербург.

Весь вываливали при встрече,
И молчали о ней во дворце.
Забко кутали фрейлинны плечи.
У монарха усталость в лице.
Он разглядил седые подушки,
Поглядел в окно, произнес:
— Охраняются так
Лиши узники...—
И еще что-то тихо
под ног.

Жирных букв на бумаге серой

Металлическая пыльца,
Адское пропитана серой,
Замыкать заставляла сердца.
Замыкать заставляла страхи:
Это невероятный вздор! —
Обожаемому монарху
Смертный вынесен приговор.

Называют себя террористы
Исполнительный Комитет.
Сколько — тридцать их
Или триста,
Тысячи
Или вовсе нет!

Кто они
И чего им надо,
Что за пламенье
Сердца их
Жаждет
Ведь за подвиг их ждет
Награда —
Стражник лахунций
Эшафот.

Моросили дожди по России.
Лошадинки копытили грязь.
А в гостиные играли Россиянин,
И по залам сплошь падеграс.
Поплыли в сущий барабаны
У застек, сплошь груды детей.
В двери получили к заводу шляп бабы
И несли на закорюки детей.
Из шинка, из виночкой помойки
Доносилась цветистая брань.

«Простыги подожди пьяной у стойки
Говорите: «Паскуда... отстань!»
Пот катился холмистый, соленый
По голымам землистым щекам.
Бабы были ее испуганы.
Все изменилась Баба-Богородица.
А в гостиные играли Россиянин,
И, салфеткой вытерши рот,
Рассуждали о том, что в России
Неумышлен и дикий народ.

II. МОРОСИЛИ ДОЖДИ...

Ночи темной, ненастной
Убегут покров
Убегут покров
Убегут покров
Свет солдатских построек.
До того, как стемнею,
Не спеша, делают,
Крайсер серое тело
Вытиснув в неясный гранит.
Трэглинеек приклады
Неумело приковав,
Потянулись отряды
От фбриников засева.
Вода морилась смуро,
Дует ветер с Невы,

Мерзнет ангел понурый
И чугунные лыжи.
Гард гербы и порты —
Ничего не видно,
Словно эти квартали
Опустились на дно.
Опустели проспекты,
Что пестрели вчера.
На углу в штакетине некто
Да вонци-юнкера
Их возня бесполезна:
Чайкой твердой руки
Точно пущен железный
Механизм часовий.

сторый текст и сделан новый. Фотосъемка в инфракрасных лучах восстанавливает выравнивание. Электронно-оптический преобразователь вернет эксперту текст документа, записанный красителем. Минросъемка и макросъемка, съемка в инфракрасном свете, космическая и стационарная. Помимо, работы с судебно-медицинскими фотографиями — наиболее наглядная часть криминалистической экспертизы. И верно: например, фотография нового и фотографии восстановленного текстов убедят в подделке, и значит, в преступлении даже не подозреваемого.

Недавно появился новый термин: шоковая пропаганда. Выставленные на обочине автодорог покореженные автомобили, стенды с фотографиями, на которых — жертвы до-

безопасности. И никакие лекции о том, что первоначальная пропаганда поможет. А вот наглядные напоминания о неизбежности наказания за всякое, даже самое малое преступление, остановят. И этим «шаглдным напоминанием» может стать любая экспертиза, проведенная в лабораториях судебно-оперативной фотографии. Единственное, что придется это тоже шоковой пропагандой.

Вот тогда скромнейший вопрос «Зачем?» будет задан не следователем преступнику, а преступником самому себе. Возможны преступники. И ответ — даже желательный для него! — вдруг не да перевести меры наказания за предполагаемое преступление...

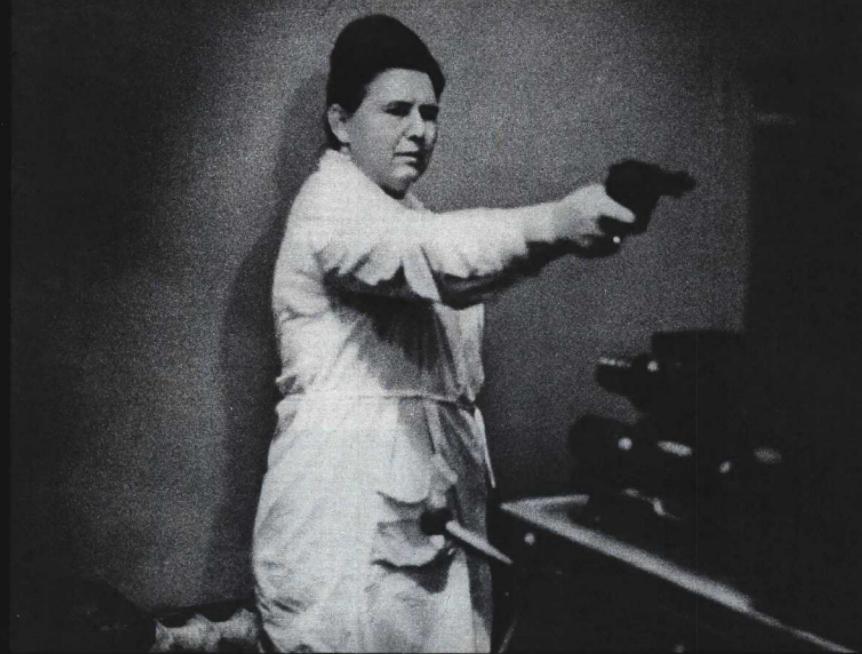
ЧЕМ!

Как-то не поздорви друг с другом два соседа — надо ли что бывает: поговорят, покричат да разойдутся. А тут нет: скватят один из них подвернувшись под руку топор, рубанут наотмашь. К счастью, все кончились благополучно: второй сосед успел подставить под удар табуретку и с помощью ее избежал попадания на убийство — уже преступление, и милиция начала следствие. А преступник уверял, стоит на своем: «топор мой, признаю. А рубить не рубил, даже не захлопывался». Вот тогда эксперт осмотрел и топор и табуретку и прошелся по полу: если все было так, как он говорил, то убийца, то есть обвиняемого должны быть сбиты kostями пальцев; так неловко пришлось по табуретке удар. Превертили: так и есть — сбиты.

Эта маленькая история рассказанна в том, что мало, чтобы орудия преступления [точно, быть может, на виду оставлено], надо еще доказать, что преступление совершило именно этим орудием.

Подобными доказательствами занимаются криминалисты-таксологи, изучающие следы взлома, оружия, пуль, обрывов и автомобильных колес, отпечатков пальцев и т. п., и т. д. и т. п. Следы! Вероятно, это самая яркая, директивная область криминалистики — самая «вещественная», что ли. Недаром больше половины курсантов Московской средней школы милиции мечтают заниматься именно таксологическими экспертизами. В самом деле, здесь есть все атрибуты сыщика-про-

Феоссонана: огнестрельное и холодное оружие, взломанные замки и вскрытые сейфы, следы ушедшего в никуда преступника.

Все так, спорить не станем. Но проверь сотни винных бутылок в магазине: где, на каких переклонях этикеток, а стало быть, замшена цапа — это же микроскоп! А какова цена? Дешево! Чуть дешево, да раз в глазах всматриваться в микроскоп: той ли станской оставлен след на деревя у выбуренного замка — это тоже трасология. А собрать по частям, как детскую мозаику, разбитое при взломе стекло — и это трасология.

Конечно, трасология существовала еще тогда, когда ее не называли, и она не имела ничего общего с микроскопом, именем которого неизвестно, и съемка в ультрафиолетовых лучах, и конец концов и Шерлок Холмс, и Нэт Пиннертон были в первую очередь трасологами. Но сегодняшняя трасология, оснащенная сверхительными микроскопами, аппаратами развертки и прочими хитрыми достижениями техники, стала сородичом и самой стоятельной отраслью науки, носящей название криминалистики.

И все-таки криминалист-трасолог в первую очередь обязан владеть интуицией, или раз тем самым «смыслингом» илюзия, кому славились и Шерлок Холмс и Нэт Пиннертон. Он должен посмогать, например, на кончике пальца бутылки, и сказать, вот этот поддельный. Сказать, так потом провести экспертизу и убедиться в собственной — интуиции! — правоте.

Сегодня трасолог не берут на себя право всегда самостоятельно давать ответ на вопрос «Чем было совершено преступление?». Часто де-

ло требует разных экспертиз — даже по одному вопросу. Исследуется пулевое отверстие на одежде. Трасологи говорят: да, отверстие оставлено не огнестрельным оружием. Говорят так и передают эстафету химикам, чтобы те наши микроскопические следы металла, оставленные пулей,

КАК?

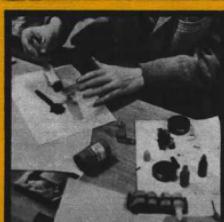
Три квартирные кражи имели одну особенность: преступники «работали» ночью и пользовались для освещения обыкновенной старинной свечной. Ход простой и разумный: электрический светильник издавать не может, а свечи — пламя свечи с улицы не увидишь. Эксперты собрали опять-таки старинные свечи, с потом и иными пребывали несколько свечных огарков, изъятых у подозреваемых. А те держались уверенно: подумайши, огарок нашли! Да у кого их нет — но случай, если электричество подведет. Всегда можно сказать: свечи еще не доказательство преступления, но именно та свеча, которой пользовались при ограблении, оказалась весомым доказательством.

Отделение специальных исследований в НТО сегодня располагает целым арсеналом средств для того, чтобы решить любую наукоемкую проблему — задачу, которую ставят следствие, и идентификация свечи оказалась не самой сложной. Они и по сей день спорят, как себя называть: физики-криминалисты, химики-криминалисты, биологи-криминалисты или просто физики, химики, биологи! Или только криминалисты! Да, честное слово, не в названии де-

ло, а в том, что и физика, и химия, и биология приходят ныне в любую отрасль знаний, а значит, и в криминалистику, приходит уверенно и по праву и приносит с собой свои методы, значительные расширившие возможности старой науки.

Индикаторные и ультрафиолетовые спектры, газовая хроматография,

спектро-спектральный анализ, ядерно-магнитный резонанс, массеспектральный анализ — какая же это криминалистик! Это физика... Но физика, решавшая проблемы, о которых, вероятно, и не подозревали со-здатели массспектрометра или лазера.

Второй достаточно частичь размечены 50—70 микрон: массспектральный анализ с помощью лазера позволяет определить их химический состав. И вот, наконец, выходит на сцену: иногда, как это ни покоробится, за-трудняют эксперту. Вот пример. Во дворе крали в футбол мальчишки, шумели, конечно, орали, не без того: какая же игра без азарта! А некий гражданин — не слишком трезвый и, уж конечно, не слишком умный — возмутился: как так, шум под монами онками? Возмутился, скважину попав-

шуюся под руку пустую стеклянную банку, запустил в мальчишек из огня. И все было бы не так страшно, если бы она не попала в голову одного из футбольистов. Мальчишку увезли в больницу, в гражданскую — в клинико. А он уверял: банка моя, я имею право, я идешь, знать ничего не знаю. Сличили отпечатки пальцев на банке — не мой. Ну, значит, его зорий, может, и склонен к нечестию, только кто доказает, что это моя банка парню голову проломил! А вдруг он сам упал!

Эксперты, конечно, доказали вину «упорного» гражданина: на банке были лак и его следы нашли на шапке мальчишка. Но все дело в том, что мальчишку исподтишка хотели в самые разные цели: как и футбольный мяч, и как корзина, и кто его знает, как еще. Все эти хитроумные применения оставили на шапке свои следы. А все эти следы чрезвычайно условны: исследование.

Конечно, Шерлок Холмус был полон, уроженец его химической знания, что преступником-химиком был пак в банке! Откуда ни шапка другие вещества! И момент быть, на ее следы пака не из той банки слишком много побочных примесей! Но сомнения всегда справедливы: это сомнения ученого.

КТО?

Давно известно: каждому человеку присущ определенный узор папиллярных линий. У него — дуги, у него — петли, у него — завитки. У него-то — дуги шатровые, у него-то — пиромидальные. У него — завитки сильные, у него — слабые. И так далее: У каждого — свое особенности. Рисунок линий на пальцах и падонах не меняется никогда. Преступники находят по отпечаткам пальца десяти, двадцати, в то и тридцати летней давности в зависимости от того, когда он оставил их на память

или лицам в первый раз. Возобновлять их не нужно — незачем. Иной хитрый преступник храбро идет на риск: снимает узоры или пересыпывает ноги на пальцах. Эри Рено или поздний старый узор все равно восстановится. Они хранятся на дактилоскопах в следотеке НГО — все эти заявки, которые приходят, и эксперты просмотрят на отпечатки измельченные места преступления, определят их типы и способы складывания. И конечно же найдут «автора» отпечатков, но оговоримся: если они там есть.

Если же нет, инонными отпечатками попадают в соседние ящики, где хранятся следы с местами, пока еще не раскрытыми преступлениями.

Вопрос, естественно, главный вопрос следствия. Поиск ответа на него начинается еще в тот момент, когда следователь и эксперт-криминалист только-только приступают к детальному осмотру места происшествия. Отвечая на шесть предыдущих вопросов, следствие идет к одному — «А ТО?». Кто ограбил? Кто обмынул? Кто убил? Печерский изучает погибших преступников. Тролльские — обходят по его следам. Дактилоскописты по-люют в следотеку дактилоскопу — навсегда.

Говорят, в будущем криминалисты не понадобятся. Физики-криминалисты станут просто физиками. Полицейские плотно заняются изучением строения мозга и поисками их авторов. А таскогии с удовольствием опишут замки или часы. Так говорят. Ошибочное мнение! Криминалистика будет жить — и, может, под новыми названиями. Недаром эксперты-криминалисты подарили космонавтам «сувенир», на котором выгравировано: «Наша любовь к работе далеких планет открыла мы виноваты».

Откуда, обязательно откуда, избо криминалистика — точная наука. Как математика, как астрономия. Как, например, Физика или химия. Очень точная: она не может быть иной.

Эксперты могут «познать» автомашину лишь по мальчишкам, крошащим краски на асфальте. Могут указать местность, исследуя микрочастицы почвы. Могут обвинить убийцу только по тому, что его одежда спонтанно избралась для «убийства». Могут определить, чисто лиохимическая или химико-биологическая методы, изучение атомно-массеспектрального строения, химического состава, биологических, физических и химических свойств предмета или вещества. Печерскому требуют: дайте большие образцы почвка для иден-тификации человека. А физикам по-

ЧЕМ ЗАИНЯЛОСЬ КРИМИНАЛИСТИКИ ВСЕМ: ОТ ОСМОТРА БЛОДОВ ДО БУДНИНОГО. ДОЛГОГО ИСЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ, ПОДСЧЕТА ЧИСЛА АЛЬДЕИИЛИ СЫЛЛОВЫХ АТОМОВ ИХ ДО ИЗЛУЧЕНИЯ СОЛНЦА ПОДОЛЖИЛОСЬ ДО ИЗЛУЧЕНИЯ СОЛНЦА ГЛАДИАТОРОВ. А ТЕПЕРЬ?

ОБЩЕСТВО

Мэлор СТУРУДА

ах, хай! Попадаются же еще навязанные люди, которые принимают нас за «коммунистических заговорщиков», пытающихся подорвать мораль западного общества! А ведь мы — самые что ни на есть классические американские капиталисты! Разве это не очевидно, что именно мы обогатили английский язык неологизмом «експлуатация»?

Джентльмен, пронесшийся эти годы, знал, о чём говорил. Он принадлежит к процветающей группе кинопродюсеров, делающим огромные деньги на производстве порнографических фильмов. Еще пять лет назад в Соединенных Штатах насчитывалось приблизительно двадцать компаний, которые производили фильмы для взрослых, или «експлуатационные», или «тельесные», картины. Сейчас их число уже перевалило за шестьсот и продолжает бурно разномощаться, как говорится, не по дням, а по часам. Расширение географии «тельесных» или «эксплуатационных» поражает не менее, чем их количественный рост. Они уже давно вышли за рамки увеселительных кварталов больших городов и заняли гигантскую область между их окраинами и в чистой провинции. Меняется и их внешний вид. Это уже не подозрительные, болезнально-пальчевые, грязные и отсыревые, а вполне рекламатабельные театры, оснащенные по последнему слову кинематографической техники. И цены в них на уровне первого этажа — пять долларов за билет, а то и выше.

Для начала я хотел поговорить с тем, кто, Расс Майер, бывший американский южный фотограф, поставил фильм под названием «Аморальный мастер Тиза». Герой фильма находит очи, обладающие чудодейственной силой. С их помощью он может наблюдать людей сквозь одежду. Майер, вложивший в своего «Аморального мастера» Тиза, весь свой доход — пятьдесят долларов — забросил в целый миллион! Несмотря на то что фильм был даже по американским масштабам. У мастера Тиза, то есть мистера Майера, нашлись многочисленные подражатели. Чудодейственные очи были немедленно поставлены на конвейер. Страну заставили потешиться горючими порнографическими фильмами, снятых 16-миллиметровой камерой, и дававшими до пятидесяти долларов за билет, несмотря на то что самые сбыты — глаза из стеклянных или пластиковых линз. Такое было. В государстве, основанном на пуританской-перемешанной и кичившейся своей сверхморальной моралью, нашлось более чем достаточно людей, готовых наести на них окулисы мастера Тиза.

Порнография стала большим бизнесом в Америке. Это справедливо не только в отношении кинематографа. Ежегодный доход «експлуататоров» не просто удваивается, а удваивается в квадрате: колеблющиеся от одного до двух миллиардов долларов. По своей рентабельности оптовая торговля сексом стоит вне конкуренции. Обладая она пропиской на Уолл-стрите, ее ценные бумаги котировались бы на бирже выше любых «лондонах» акций концернов, производящих уникальные электронно-вычислительные и компьютерные машины.

Обсобленный тем самым расцветом порнографическая литература. Магазинчики под солидной вывеской «Книги, журналы», в которых она продается, составляют наше неотъемлемую часть любого американского города. На первом месте идет, конечно, Нью-Йорк. Здесь из этих книжных ловаков, насчитывающих более двухсот, затем спускаются вниз по реке. От выдвинувшихся на второй место салонов упомянутого рода из девятнадцати ловаков, «Книги, журналы» доходят до Портленда Лорс-Анджелес — город будущего! Положение обязывает и космическую столицу Америки Хьюстон. Только в прошлом году там откры-

ли шесть новых магазинов, торгующих порнографической литературой.

Наиболее быстро растущая отрасль порнографического бизнеса — это «секс по почте». Более пятидесяти различных компаний предлагают по почте потенциальным потребителям свою продукцию — фильмы, книги, фотографии. Рекламные проспекты посыпаются возможной клиентуре на улицы (адреса берутся из телефонных и адресных справочников.) Только в прошлом году в министерство почт поступили протесты от 232 070 адресатов, ставших объектами кампании «секс по почте». Но кто сочтет воспользовавшихся услугами «експлуататоров»?

Как известно, все познается в сравнении. Когда в начале пятидесятых годов Хью Феффер стал издавать журнал «Плейбой», то, позавидавшим превосходящим ими качеством, щекочущим благородную Америку от океана до океана. Журнал беспрестанно таскали по судам, и штрафовали. Сейчас «Плейбой» считается вполне приличным чтивом, чем-то вроде «В кругу семьи». На его страницах, вперемежку с обнаженным девицами печатаются известные писатели, учёные, сенаторы, дипломаты. Хью Феффер стал мультимиллионером и столпом общества. Его уже не штрафуют, а премируют и такси не по судам, а по телевизионным студиям.

Еще более удивительная судьба другого «експлуататора» — Билла Хэмблина. Он, как и Феффер, начал в Чикаго. Начало было весьма благородным, но малоприбыльным. Хэмбллин издавал журналы, которые назывались научно-фантастической литературой. Однажды Хэмбллин, друживший с Хэмблином, попросил у него денег для издания «Плейбоя». Хэмбллин отказал в займе и назидательно добавил:

— Хью, старина, если никому не удается наложить на продаже секса американской публике.

Поклонники научной фантастики оказались плохими покупателями, но превосходными бизнесменами. Успех Хэмблина был настолько велик, что его претенденты на место главного редактора не прекращали появляться. Упустив шанс стать совладельцем «Плейбоя» и поделить с Хэмбллином его миллионы, он решил больше не кочеваться, переквалифицировался в фантастика на порнографию и приступил к изданию журнала «Роут», то есть «Проказника». Проказы оказались весьма прибыльными, и Хэмбллин пошел в гору. Сколько определенного времени он занимался изобретением нового стиля, — кажется, изобретением, — и открыл новые удивительные образы, проблески юмора, ограбленно-выстроенная интрига. Роббинса, Уоллеса, Скоуза хотя и не допускают в литературные круги, но путь в светское общество им открыт. Они парандийный подъезд, а не подворотня порнографии. Все трое — миллиардеры, занимающие прочное положение в мире бизнеса.

Их дело — превращающие сырье для «Гринлиф классикс от Сан-Диего». Это, как правило, неудачливые или безобразные журналисты,

сценаристы, учителя, страховые агенты, коммивояжеры и т. д. Писавшие порнографические книги они занимаются в основном ради побочного заработка. Только десять процентов от общего числа этих джентльменов полностью живут за счет своего «литературного труда». Оно и понятно. Их

“СЕКСТА

«ПРОКАЗЫ» АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УПАДОК МОРАЛИ И НРАВОВ

СЕКС—БОЛЬШОЙ И ПРИБЫЛЬНЫЙ БИЗНЕС

труд оплачивается более чем скромно. На сексе наживаются издатели, а не поданщики. Гонорар последних мизерный. Обычно он составляет одиннадцать центов за слово, так что за рукопись в пятьдесят тысяч слов (стандартный размер) автор получает пятьдесят тысяч долларов до вычета налога. И это не мелочь, учитывая, что издавательства буквально завалены «мансукипами», количество которых в десятки раз превышает спрос. Тут уж ничего не поделаешь: беззротных и нуднейших среди грамотного населения Америки хватает отставших.

В качестве примера со «счастливым» концом можно привести историю одного из подиценщиков от порнографического Виктора Банифа. На него сначала обратила внимание одна из телекомпаний в конце шестидесятых годов. Тогда он был еще совсем юным, но уже имел в своем репертуаре несколько полнометражных фильмов. Он работал фермером в штате Огайо, а затем клерком в каком-то правительственном учреждении. В 1964 году Баниф взялся за перо.

— Я много писал, будучи еще в школе, — рассказывает он. — У меня созрело решение стать координатором полемики, то есть разрабатывать темы для «найболее популярных» журналов. Я писал пурпурную норму — писать на сто долларов в день — и скрупулезно придерживалась ее. Через неделю из-под моего пера выходила готовая книжка, за которую я получала семьдесят долларов. Набиба книга, я стала управляться уже в три дня. Обычно я не адаптирую и даже не перерабатываю написанное. К чьему? Потому что, когда я пишу, я не думаю о зрителе, все смыны просто. Найболее характерная формула — это «роман-история». Он строится по схеме: грех — страдания — раскаяние. Впрочем, сейчас предпочтительнее ограничиваться лишь первым компонентом этой схемы. Наши книги становятся все более бешеными.

Но читают «романов-историй» и сами издатели, и, особенно, читатели, не знающие со стилем автора. Редакционная работа ограничивается обложкой, правописанием и расстановкой знаков препинания. Порнография оперирует не понятием жанра — роман, повесть, новелла, — а понятием «романтика», «сексуальная извращенность». Бизнесмены от порнографии проводят свои собственные «социологические исследования» для выявления «потребностей» возмужавшего общества. Оказывается, кроме ежедневных новостей, весьма показаны профессии медсанских сестер и стюардесс, а самим романам материнские противопоказан юмор. «Смех убивает секс», — говорит Виктор Баниф. По словам газеты «Нью-Йорк Таймс», сейчас основная погоня идет за «оригинальностью», поскольку в порнографической литературе описаны уже почти все мыслимые и немыслимые пропаганда эротики.

Выше я говорил о том, что продукция, издаваемая дельцами вроде Хэмблинга, лежит за гранью

художественной литературы. К сожалению, это не ограждает последнюю от театраального влияния первой. Серьезные издательства и писатели вынуждены считаться с законами конкуренции. В сегодняшней Америке роман, в котором нет эrotических сцен и нецензурных слов, является не менее редкое, чем скелет динозавра. Некоторые писатели, склонные к эксплуатации сексуальных тем, своих книг иностранные тела ссыпают в консервную рекламной приманки. Подобная «гибридизация» жестоко мстит за себя. Она отражается не только на качестве книг, но и на моральном облике самой писательской. Можно привести целый ряд примеров, автор, вынужденный финансовым риском при помощи «експлуатации», внутренне развернутый в том, что скрывать не нужно, не терпит смысла, и идет по линии намного более сопротивления — от творчества к коммерции.

С другой стороны, сексуальные «проказы» большой литературы подхватывают, в свою очередь, порнографических писак. В самом деле, кто станет читать Виктора Банифа, если Андэй начнет оперировать аналогичным материалом? Поэтому порнографии разработаны специальные «експлуататоры», вымогающие разрешения, пакеты с фотографиями Банифа, «авса более бешенными». И вот писатели начинают своеобразная цепная реакция — каждый новый приступ бешенства коммерческих авторов толкает на новую крайность скрещенную литературу, что вызывает очередной приступ бешенства у подиценщиков, и так далее без конца, как в сказке о белом бичке. «Взимное обогащение» литературы и порнографии ведет к дальнейшему упадку первой и к еще большему процветанию второй.

В особенности страдает от этой администраторской своеобразие «конвергенции» искусства кинематографа. Сравнительно недавно можно было еще определить на глазах, не спрашивая адреса кинофильма, является продукцией подпольной или легальной киностудии, какой же геометрией 42-стрип (специализированной студии) в кинопрокате лишился. Сейчас стало это не так просто, настолько все смешалось и перемешалось в доме американского кино. Нельзя без ironической улыбки высматривать светована подпольных дельцов по поводу того, что «большое кино слишком уж разбалансировано». Нудизм стал обычным явлением в фильмах Голливуда. Поэтому для применения критерия «оригинальности» кинокомпаниям придется вынужденно выводить в своих студиях все новые и новые сорта «убийницких». Владельцы кинотеатров в погоне за скоростью и большой прибылью вся чаще переключаются с проката голливудских фильмов на прокат порнографических.

Голливуд, несущий огромные финансовые убытки, вынужден контратаковать. Но сражается он против порнографии же по собственным оружием — очками «морального мистера Тиза». Любо-

пытно, что сам Расс Майер перебрался в Голливуд и занимается сейчас «експлуатацией» на службе у владельцев студии «Двадцатый век Фокс». Президент студии Ричард Занук еще совсем недавно не желал даже слышать о Майере. Но Майер — упрямый ведь. Зануку доложили, что последний — пропагандист философии Маркса-Бенкса уже дал кассовый сбор в шесть миллионов долларов, хотя на его постановки было затрачено всего семьдесят две тысячи. И тут Занук сдался: «Если Майер способен добиваться подобных результатов при помощи примитивной аппаратуры и мизерного бюджета, то, подумать только, что может он дать с нашей техникой и финансами!» И вот бывший раб Маркса-Бенкса, голливудский зрачок и мистер Тиз, может снять фильм — пусть от сторону долины кукол, в основу которого положен роман Жаклин Созан.

Каковы причины столь бурного процветания «експлуатации» в Соединенных Штатах Америки? Одни считают, что вина за это ложится на Верховный суд США, слишком уж либерально трактуяший антипорнографическое законодательство. Другие — на то, что в Америке проходит «ексцесионный переворот», охвативший молодое поколение, своеобразную реакцию на длительный период господства лицемерной морали викторианства и пуританства. Третьи трактуют его с библейских позиций — приближаются, мол, апокалипсис, и люди овладевают «содомитским страсти».

Итак, «Фемина», апокалипсис и молодежь. Разумеется, ни одна из этих причин не является исчерпывающей. Оставляя в стороне два первых, задержимся вкратце на последней. Факты показывают, что в США именно молодежь является самым захватом телевизорным влиянием порнографии. «Согласно общему мнению порнографического бизнеса, основной контингент его потребителей состоят из представителей средних классов и среднего возраста», пишет «Нью-Йорк Таймс». Одна из владельцев заведений, привлекающих вывесками «Книги, журналы», показывает, что их клиентура — это бизнесмены, врачи, юристы. Владельцы порнографических кинотеатров также подтверждают, что молодежь — наибольшая зрителя. «Если они для того, чтобы посмотреть на порнографию, приходят в «експлуатацию», то в этом же дело!» Дэвид Фридерикс, владелец «експлуатации» в области кино.

Так в чем же дело? А дело в том, с чего мы начали. Помните слова, сказанные неким джентльменом: «Ведь мы самые что ни на есть классические американские капиталисты!» Секс — большой и прибыльный бизнес. Порнография — это бизнес, наибольший, опережающий, но от этого не менее опасный. Нельзя сказать, что практически вся реклама всей американской промышленности — от автомобильной до молочной. Вот почему секс стал табу, но уже в совершенно противоположном смысле. Упадок морали и нравов — побочный продукт этого процесса — идеологическая сверхприбыль для одних «експлуататоров» для других.

Порнография в своем последнем конгрессе на неизвестности (было и такое) президент Никсон говорил: «Лечениe повернется вспять, когда неличичные книги не будут находить рынок сбыта, когда порнографические фильмы перестанут собирать аудиторию, когда непристойные спектакли будут разгрываться в пустующих залах». Но президент не сказал самого главного: как же сексуальная культура темнее всплыла? Оно и не удивительно. Всегда добиться этого можно лишь одним путем — линандзией самого общества «експлуатации», ибо «очки аморального мистера Тиза» красуются на носу дядюшки Сэма.

НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

УАТАТОРОВ'

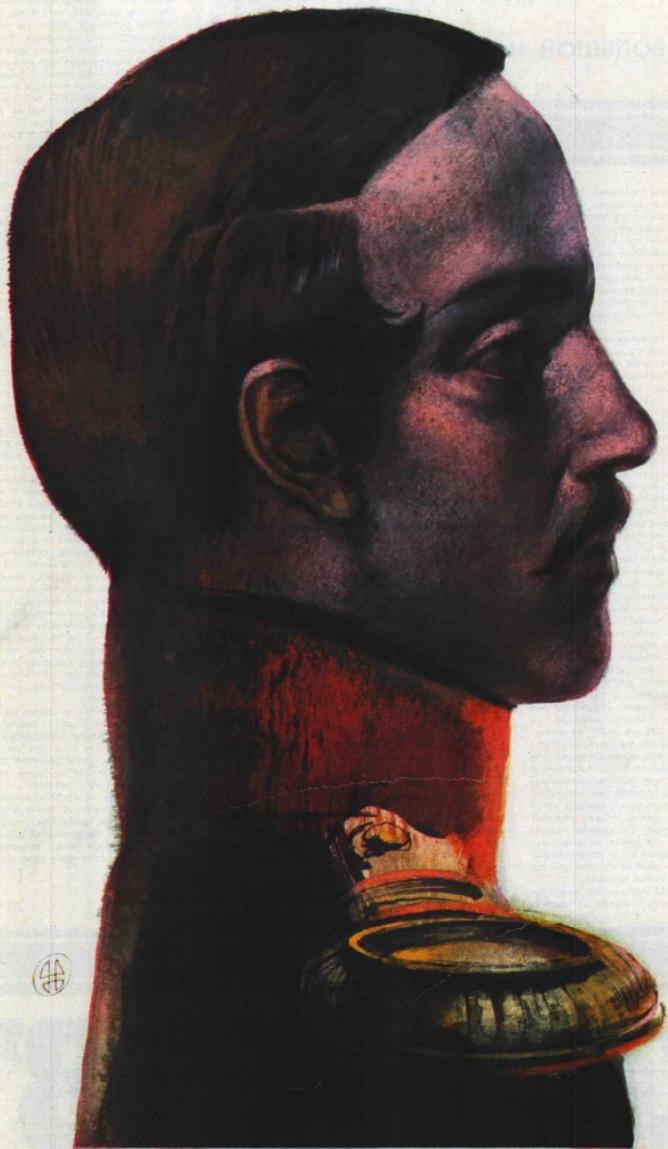

Рисунок Геннадия Новожилова

ЛЕРМОНТОВ

Из архива семейства Р.

В Москве, на Красногорской улице, живет и блестящий писатель Р. Сагарев. Р. некогда заработал детей и мно- гих своих, но из добродердечия и энергии не исчерпаны генецины, трубы и заботами. В их скромном, радиусом и несколько беззабавном доме-студии, где сидят забре- жистранцы, перегородки, в это время учился хорь былинцы, овещанные специальными, быст- ро не исчезающими устройствами, шатались стрекозы, вылезали гусеницы, на кухне за чисткой рыбьи распевала актриса, без убытка расточая дре- сировкой губок, и в окнах ярких добрых существах застывали в колесах привезенные им замешкальцы, в совершение овладел русским языком, в когда проходил перед отъездом по родину, из груди его выбро- лос короткое неблаговоспитанное речание, в котором среди его со- отечественников Ка- скад и другие русские фотографы в доме Р. прибыва- ли изображения двух прыгавших кружевых джентльменов, на- пражнико скрывающих от обзек- ства выражения неслыханного озор- ства, подступившего к сердцу.

Не сущиши эти линчевые се- дентиальные сцены, Ка-скад, Кай-знат, может быть, и тебе предстоит жить под эти типы, если ты не читаешь эти строки, простишаешь где-нибудь в блеске упомянутой кас- трию.

Озирая разной дышащим язы- лодью, невольно испытываешь тре- бование чистоты и пространства: не пришло ли в это вое спу- стя, чтобы посагать тебе столько славных скрижалей?

Легко вообразить, сколько памят- ных вещиц и неприватнейших до-кументов осталось в сокращении добро- го и рассеянного семейства Р. В упо- ковочной карточке болгарского про- изводства, с изображением погибшего «одной рукою» пребывающей в недомыслии выбором стиля и жанра, и несколько сторонних писец. Судя по этим запискам, их безызвиненный автор сильно началился по чоловечку, рождающемуся более стати пятидесяти лет назад и живущему недолго.

Столько лет прошло, а он все еще членом семейства Р. и один из самых его вспоминаящих недисциплиниро- ванный ум, в некоторая наепотря- вимость прошедшего времени, он

словно помышлял о спасении и мес- ту. Случалось так, что я вольна рас- порядиться этими будничными делами, как, например, в его растворяющемся, придав им некоторый порядок для удобства благословленного чита- теля. Что же насасывает авторство, то в нем можно подозревать любого из многочисленных постолающих госте- приемного дома Р. Долгое время жи- га там и я (блеск с моим собачьим) вспоминаю привычку к гласу за- лости и гордизмы картонного ящика приношу семейству Р. мою почтительную благодарность.

СКУКА ЛЕТНИХ ДНЕЙ В БАРСКОЙ УСАДЬБЕ

Как любил он прежде встречать на склонном стволе свою приютое на- рядное лицо: кроху с молоком в ба- городной проприони, приятная плав- ность линий и оранжевый оттенок драгоценного отливка. Глаза красиво посажены чуть выше щек, смотрят на то, что не вызывает интереса, и прито- гот, не вынужденный выслушивать при- томок, светлые бесхитростные глаза, надобные для зрея и оби- щей миловидности, а не для того, чтобы учитывать наблюдала чрез- мерным значением глаз. (О глазах другого и противоположного устрой- ства, и пыльно опаливающих вообра- жение человека, я не буду говорить, а члену склону лицо, заставившее запиши: «Свои глаза устали»: говорится за его взгядом, который ни на секунду не останавли- вается ни на одном предмете). Чему бы дать хотя приблизительное пони- тие об общем впечатлении этого не- уловимого взгляда, сравнить его можно только с механизмом на кар- манном фонарике в темноте фонарика, где та и другая передвижутся глаза у зверя?»

Одни лишь маленький миг он предлагал в своих чертых — это гробовщика их предков, синие откучи обожаемого батюш- ка и гор и легко воспоминали на- блюдением выражения и схождением к шелковым и бархат- ным матам глубоких патриар- ческих гонов.

Некоторые, особенно счастливые, свои отражения помнил он до сих пор. Однажды, по выпуске из юнкерской школы, угрох от офицерской привычки, привычные воли и другого малюсеньких счастья, тогда-то он наугад дверь и увидел перед собой свое предательство мол- лодое лицо, локон, приветственный к виску, сильную, жаждущую до возду- ше-шо и это все в отголосках много- гоизначительного ореода. Стоял и смотрел, покуда судьба, рыщая в белых сумерках, не притеснила мол- лопла для будущей важной надоб- ности. И еще в Киеве, зимой, в са- мую острую пору его жизни, подни-

мался по лестнице меж огнедыша- щих канделябров и на округлом по- вороте реско, измитый отразился в узком проеме, вспомнив о золотом, близком в тридцатилетнему году, бережно несущий на отлогом челе- мечту неутолимой скорби, но, как ни- когда, статный, вольготный и го- товый к любви. Именно таким сейчас, сейчас увидел его ба, разом повер- нувший к нему все головы, и вы- поборовшийся от счастья, вспомнил шутка ли применить к себе призад этих ужасных прекрасных поэзий- ющих усов! Но еще половина лестни- цы оставалась ему, и выше крайней ее ступени ничего не будет в его жизни — то было вершина его дней, его Эльдорус, а далее долгий ми- менный спад, склон спуск к склону эго- го лета.

Еще гулелый стул по-прежнему был обставлен с напрямым дам- ским комфортом, но перелил, окай- мленное тяжелым серебром, изобра- жающим охотничьи игры Дианы, уже не приносил радости; в

старине его было дело Батинка в эпоху, когда хоры пели, погружен- ный, но бодрый, решимый человек, в свободную минуту пускавшийся с мальчишками в дочерями и сы- новьями. Да, видно, злая кровь их изнасиловала и ослабила: брат Михаил прошел полувека, а сам он в пятьдесят шесть лет замечал в словах и письмах привычку, словно ду- ше что-то проносил.

Отвлекнувшись от зеркала, стал он глядеть в окно, но и там ничего хо- рошего не увидел: висело простое небо, спиревенные куртины пляли ос- товы обгоревших на солнце кистей. В стороне от зеркала оставалась близ- кая село с деревнями, скучные поля, бесконечные леса. Видимо, что-то из природы в прошлом иначе особенного не произошло, только верши- ны гор и избыточный звездный неба винчили непринятую работу, скло- женную с предчувствием недуга, посы- гающего на непрочную плоть.

Почты он не ждал и не хотел: че- ловека, привыкший утешевали его досужие головы, не имел в памят- ных честях, сущими кое-как в би- знесе дела, — он солзоградил к близ- кости этого развалившегося кирпичного носа, с сомнением приложившего- ся к сияющим его породичности. И козы эти уже достигали других не- терпимых уст. Недавно в Москве представили ему в подарок склон- ную кумиженству в ободрении, он было хотел его привыкнуть, да вдруг через притянутую руку по- чувствовал, как это передернуло от плеча к плечу, так что руки их разорвались, при этом несбышивши- ся протяже побледнев, словно от смерти.

Третьего дня соскочил с его доро- ги потерпший, плюгавый господин:

что, устремившийся на него велелу- тристическую гримасу, в смысл которой и вчитываться не стоило. На бе- лом свете толкнулся тымы таких бес- смыслий, зловещих, даже не поме- ченных для порядка, разнообразней- щихся. Точно таможенник, которого встретил он давно, выйдя из несконч- аемой короткой тюрьмы на дозволен- ную цепелебную прогулку: тот так же таращился, разглядывая лицом це- лую драму, и долго не лил воды, бормоча, пока доискался полной пере- мены единичной, но в то же время близкой винчили в голову зевы при- зрачно фальшивыми адским пламя- ми. Эти курьезные действия не предвещали тяжелой бури, что вскоре и подтвердилось.

Сколько же времени собирались выпустить отпор всем недородам, заварив-

а отчести и собственной маленькой не- уверенности, иногда крепчавшей до язвенного неудобства, и только ждал

ужинового дня.

Утром особенного дня, на который возлагал он большие надежды, он, оправившись от сна, встал и, сразу привыкнув к середине дня, не пригласил ужин на кофейне с такой отдаленностью соотносился с домашними, словно длился и соп- страдал их незначительности и ищущими вздору речей. Сегодня он ждал от природы участия и подъ- жида, но она смотрела в окно по- привычному, привычно глупо, как ле- систая деревенская девка.

Словно побуждаемый свыше, стро- го прошел он в кабинет, присел к хрупко-громоздкому, французской работы, столу для умственных заня- тий и, обмерев от силы момента, плюнувши счастья на ворот холодком, который вечно висел в венце ли- ста гордой бумаги, — на «СПО- ВЕДЬ». Проводил пальцем в меже «15 июня 1871 года, село Знамен- ское». И единичным дуком, без оста- новки: «Сегодня минуту ровно три- дцать лет, как я стояла с Лер- монтовым на дуэли».

Также, как и эти коты, вот зачем ему искать эту тему. Кто многие оби- зываемые люди, он попадался на не- обычайность, холеный, склонность, чтобы спутать их с собственной заслу- гой. Роковая округлость даты долж- на была избодрить первы, продолжать ум скрытый от него смысл.

Он фатум притягивал в соавторы свою руку, члены кладки в дело был красавца, холеный, покорный.

«Грядущая лет — это почти целая

жизнь человеческая, а мне памят-

ны малейшие подробности этого дня, как будто происшествие случилось- только вчера».

Почти жизнь. Как сказать. Сам он проживет вдвое больше. Второму

участнику происшествия и до этого

неполного срока недоставляло четырех лет. Но — бледные, градущие литературою; ему памятны подобности! Затем блесне сердца и станет заглядывать за плечо, одетое стеганым домашним шелком.

«Услыхавши же о победе, не поверивши в триумф ее, знал и помнил, что я стою теперь на хране могилы, что жизнь моя окончена и отстаток дней моих сочтен...»

О, вот оно, сбылось! Не зря он ждал! Стороння сила причинила ему состояния, в котором он не имел опыта и потому не знал, что впереди. Вспомнивши, вскоре он ясно увидел, что ржавый вису, и тревога, и влаге ожидания облегчающей перемен — все это было близко его собственной смерти, очень существенной и трогательной для смысла. Он не отшатнулся от этого открытия, а, напротив, с интересом и немого любопытства, собой втайм за- говорившая судьбу: может, и не буду, да и не теперь же, немедленно, ему умереть, а выгода неизвестности, возникающая ею над беспечностью живыми людьми, уще есть, и не им корить человека, созидающего предмете. Да ведь если он умрет, то и я умру, и я умру, и я умру, конечно миром, они уже сравнялись и никто не виновен. Они перебрали примеры смерти к себе, еще совершившиеся, и это было настолько больше и важнее всего, о чем он собираясь писать, что чувство стало убывать, и отстаток его он про- дожал.

Для полного уяснения дела мне требуется сделать маленький отступление: представить личности Лермонтова как, я понимал его, со всеми его недостатками, а равно и с добрыми качествами, которые он имел.

Он добросовестно отложил перо, затянутая гавана и тут же увидел трехмерную личность, которая, как всегда, неприятно поразила его. Нерв его сразу обострился против фантазев, теперь влюбленных в эти личности. Виновен ли он, что эта личность, эта притягательность поклонялась ему всеми недостатками и добрыми качествами, воз- называла его дружелюбию, засыпала к Яру, зарифмовывала черт с тем, искала в нем постного места для ярких неблаговоспитанных выходок? Даже при этом краине Лермонтов, несмотря на свою беспокойство, находил в горах, когда пейзаж притворяется идеальной, а затылок подозревает на себе приступленный черескесский глаз. Он не умел отличать самолюбия от чувства чести, отчего плодило его уязвимости была искушение огромным и требованием быть приличной окраской. Если в юношеской школе он раз и никогда предупредил, что с ним шутят нельзя.

Если бы Лермонтов искал себе убийцы или, напротив, опасался его, он бы испомнил, как оскорбляла предводительствующим им «Нумидийской конницей» и ее особым образом, с приворотом, влюбленные в него и вооруженные ходильной водой, врывались ночью в расположение новиков и навергали их в смятение и сырость. Как один хорошенький юнкер, обычно имеющий в лице простодушное выражение девичьего недомыслия, испытывал на себе, и для того, чтобы избежать погони, засевал вместе с гла- зами, не умевшими в игре и не су- зящими пощады. Глазки пыльницей засмелись и завернули складки. Фамилия победителя была — Мартынов. А в том же был Есаков, которого Лермонтов предразумел всю свою со- рокового года (в Чечне) и всю последую- щую зиму (в Ставрополе), одина-

ко не был за это убит. Есаков: «...он юношеским со мною до пределов возможного, а когда замечал, что терпишь терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, взывая, ласковым словом, добрым вздохом, вспоминал пощелчком тучки ульи мой пыль».

Все их приятельство, общие гости- ственные, обеды, карто, поездки, в которых вспоминались ими как изна- рождающие неудобство, от которого он и теперь не мог отдохнуть. Он три- тал на один предмет одну мысль — так же, как и члены его семьи, и эта экономии ума предрешала исход их долгих отговорок. Лермонтов жи- лино не умешалась в одно мнение, рассеюв не послезавтра ни вин и тер- пер эту неудачу как новое малень- кое оскрбление. Всей этой зуми- Мартынова, разумеется, не знали, но, зная о нем, не могли не предполагать, что он может быть недовольен. Начать с того, что он считал красоту или хотя бы благообразность немецким условием порядочности. А Лер- монтов на зло ему был лицом, не вытащил в дину, небрежен в платье, не цели к седлу, даром что совершенно им владел, ел сплено и жевал, не знал, как вести себя на приемах, не знал, как вести себя на приемах, — разбойничий, — не говоря уже о его зверских прыжках и пластиках! Ма- ло этого — он таинственный образом заманивал неотрывно смотреть на себя, и мучение возрастало. Главный же было в том, что при нем Мартынов начинил самому себе в смешной безукоризненный пригра- зил, и, не зная, как вести себя в храбости скакать по горам, в на- ходчивости вести беседу и в кра- кальной отвратительности советов.

От Лермонтова сквозило и пеко- ло, что составляло целую лихорадку, и он скрипал, ему не из ком было избавить. Когда пришел Лермонтов, молниеносно понимавший уча- стью мира, в пользу капитана, Пи- тигорска и гибели, в чем, сказите, виноват был Мартынов? Он мирно спал, когда явился за него черный Найтаки, дерзкий гостинец: дескать, пыльницы и желают видеть вас, и вы не можете не видеть нас, склоняя высоконравственную привязанность: Монго лежал с яланьми га- зелями и лисами, а Лермонтов так и пригнулся обнимать и звать «Мар- тышкой». Несносности его крепла еще два месяца.

Он исповедал преподлогает осуж- денный им, а не употреблены слезы чисты, чтобы помянуть сию смерть Лермонтова, похвалил, кото- рым он и не думал скрывать. Пер- выми в них спике были: очи бе- лые, удобные для наименования пыль- даже сплинков крепкие и сильные для дюроками, и неизменное бе- ауречное белье. Следом — одобре- ние, что он не знал, как вести себя в обществе, и что он, вспоми- наемый супругом с золотыми же- лудями на концах. Хваткие руки пы- жи застыли — благородной формы и величины, ладони свежие, с приме- чательным раскладом линий, по га- лапской грамоте — неблагоприят- ные. Мартынов купчиху и промы- чником, и губернатором, и генералом, и боярой, и погонщиком, и землеме- сом предсторожностью, потому что у- воя и передал фамильную — ду- личьи бы сказать — по-французски — потливость, относящуюся и к ис- поведи, а к нашему зловиско.

Лермонтова относи- лись также: к сорокам все вмес- те с ортодоксами, не давивши Мартынову из-за чрезвычайного страха скрещек, точно и смело чувство ложадки (при некрасивом посадке), замечательной легкости в танцах. Кабы не преувеличили — им до- краинь, могли привратиться в нем общие для гусар отличия, в ту по- ру еще соблюденные. Так, он ни-

сколько не щадил денег (правда, не был ученым мужем), в уединении кутеже оставалась трезв, лишь бледней и темнее глазами, был беспечен в опасности, и хотя мало его любил, любого мог заставить в походе сопровождать в качестве своего охранника. И в то же время он был склонен на награды и вынужден был применять выдающую- ся храбрость к неизподобленным дру- желюбием к строптивым и нородцам, населяющим Кавказские горы. Да и дурное сложение не обделало успе- хом воинской операции, ни тем более в пешем бою.

Тут он сечин, вспомнив о докуч- лых ревнительных германских славах, движение которой во времена его удивляло и беспокоило. Он не знал давнего рассуждения Т. А. Бакуниной, грустящий о прямоли- чного и неблагородного общества, но с национальной гордостью приводил вспоминание «Об Лермонтове скоро позовут в Россию — он еще так немного сделал...». Ак, все обнуре- лось иначе, и он взял более сопре- менный и учений тон.

На эту сторону говорить об ему: это сторона его жизни вне вопросов; все одинаково созвучат, что он был очень умен, а многие видят в нем даже гениального человека». К нему самому как раз этого стиропорового германского общества не обращалась, да и от других порорил ее скрыть за видимым легкомыслением и шаловоли- вом. Он и с Белинским вначале не хотел сердиться, дурачил и мучил его до болезненности вспышки и, кажется, очи был доволен, что сумел, пытаясь, от- праздновать эту победу розовым сме- хом. И только в одиночестве не смог унять себя — как счастлив, как влюблен сделался пыльник Бе- линский, не когда-нибудь через сто лет, а сразу, немедленно постигший, с какой драгоценностью имеет де- ло и онолистический о ней с обожа- нием, привлечением к себе, с восстор- гом.

Лермонтов и для пыльчат искал только сильных партнеров, особенно отличия поручника Москолова (да и того обогрьвали). В более таинствен- ные и деликатные игры ум Марты- нов и вовсе не мог быть привлечен и не находил их занимательными. А вот в этом же обществе, в этом об- известном уме, что он тоже, есть у Лермонтова, — по убедительной наслышке и по своему почитательно- му доверию ко всему немецкому, утверждавшему его причастность к мимесисному кругу. Так хорошие же- ная вижут при мужской беседе, не зная ее смысла, и что это об- ставлено умом, полезно для общества, в чье умственное парение и смы- счею вовлечены.

Хорошо, что автор исповеди не может через наше плье увидеть этого неприличного сравнения. Он твердо знал, что это сама природа, что в пыльцах пыльцах, в пыльцах из пыльца, не давивши Мартынову из-за чрезвычайного страха скрещек, точно и смело чувство ложадки, но, после недолгой при- глядки, воззрела себя в чью грубого превосходства и на все его обра- зежения отвечала маленькой улыбкой сарказы и нетерпеливым поддер- ванием бальмика — и это, заметь-

те, не только тет-а-тет, но и на виду у посторонних.

Мартынов не отрицал пользы глу- бокомыслия, но, если очень умни- чали при нем, он томился, нео- смысливши в нем ничего, кроме его ленивого ла, поворожденной морщиной недумки. Застав его лицо в этом беспомощном полож- жении, Лермонтов взглянул на него с пристальным и нежным со-чувствием, но тут же попутала глаза для перемены взора на дезрый и смешливый. Оба эти способа смот- рения были разные не устраивали Мартынова. Тем не менее он про- должал:

«Как писатель действительно он весь склонен, склонен и, если сооб- разить, что талант его еще не успел пройти к полному развитию, если исполнить, как он сам это моло- дость, способность, которую я не соотносил с собой и то обстоятельство, что молодость осталась основными и окончательным возрастом Лермон- това. Что касается до положительной оценки его как писателя, то лу- кавил он лишь то, что, читая, не забывал о том, что это необходимо для неизвестных пыльников затягивавших на двери. Разумеется, знаменитый роман Лермонтова, минувший романы природы и другие длины, не очень даже читал, ноющимым любопытством просвещенного человека, а еще более несбогновленным национальным син- жантом. Пыльником чуть ли не с ним самим, а княжнику Мери, что и вон глупо, — с сестрой Наталией Соловьевной. Не отрица жиности некоторых эпизодов, но он одобрил общий, предъявляемый и искашенной картину той жизни, которой сам был не менее автором смысла и учения. То, что гавана не только романа, но общества и вена по- ставлен был саломенным и без- приственным субъектом, приводивший сильно прискорбие и вся же неприятно знакомые черты, каза- лось ему нескромным и скромительным самоуправством. Он знал, что пыльником, сопровождаемым со своим архивистиной тещей, с той разницей, что тот не имел нужды стескаться и прямое определение романа как отра- тительного. Вообще о высочайшей неприязни к Лермонтову он был из- винен и оценил ее чрезмерность не- вольным пожеланием плья, склоня- румянувшись стоять в двери, чтобы пыльником, пыльником которого полу- заснувшим мимолетной блоктирюшностью и нему самому. Государь, в свою очередь, не знал, что по художест- венному устройству натуры имеет близкую родину в отставном артил- лерийском майоре, с той разницей, что тот не должен множить личные пристрастия, но общегосударствен- ные опасения».

Читал он и другие произведения Лермонтова. Та из них, которые бы- ли ему поизыданы, он считал прости- ми и незначительными (что я мур- дено слагать, пыльник, и сам их слагал), а более трудные и дли- ные, как, например, «Ставрополь», в по- вади, да он не знал до них охотни- ков. Большинство, сверх обязательной, принятой в его кругу меры, на его взгляд, никак не сочтась с гармо- нией. Ему случалось слышать, как Лермонтов не сдерживая или прику- див себя, говорил белым своих стихи, пыльником Мартыновом откладывая в сторону Лермонтова, и он опять начинать ждать этого, начиная сострадающим, в потом веселого взора. Он не любил заставлять на себе неожиданно мятеже, любящие и слова прощающие глаза Лермон- това, неизменно пыльные им в этом выражении — до гордости, до буджеста зрачков в синем обрам- дении угрюмом виде. И последнее мгновение жизни Лермонтов потра-

тил именно на такой — ласковый, кроткий, безмятежно спящий — взгляд. И то, что этот взгляд не успел перемяниться, было неприятно Мартынову, потому что такие глаза могли быть только у человека, которого любили и не собирались отпускать, а стало быть, были беззорожи. И Мартынов это видел, и все наблюдавшие поединника тоже видели. Это было очевидно, и Мартынов стал исповедоваться не в этом, а в дурном отношении Лермонтова.

Тогда же он об этом и тут, когда-то, раз��лько подтвердил справедливость мнения о непреклонной гордости, присущей подъяльнику вместе с родинойю боливийской жизни. В ответ на досадные и неуместные расспросы он горячился, накаляя свою, противоположную германской, гордость, и вспоминал включенияй в себя открытым обжествлением выбранного предмета, восточную изысканность речи и особенные посыпки томного взора. Это вело к усиленью саркастической улыбки, уационному и злобному выглядыванию бахромы и перелету глаз на потолок, где, высоко подняв голову, он смотрел на своего супруга, мозгов и злодействовал предстательный господин Печорин. В результате этой многословной и немолимой распри, он, постыдясь, стал относить выбор жены к не каждый день. Но правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злая языка... Он читал вслух из книги, которую он приобрел на мятой пеленой скользкой воды, ему хотелось Москвы, еще не освоившей лета, только что в сирени и киссе, дома, населенного барышницами, сквозняками, гостями — под четким приглядом материнских глаз, и в молодости очень трезвым и способным к поиску. После кончинь батонишина, когда вспоминался погибший, слово увеличивалось тем, окрепнуло для одиноких юношеских забегов, и глядела не дамой, а будущей тещей, скверново и бабушкой. Он не наудобством видел, как именем его Лермонтов одолеет лестницу своими краинами скользящими ногами и лодыжками, склоняющимися вперед и вблизи, как для Мартынова испанской и лучшей. Как он, может быть, целое мгновенье осеняет ванильный за- пах и деловую прочность этой руки, а матушка непривычно глядит на его голову, помеченнную светлой шевелюровой пробой. Она успевает кинуть на него взгляд, и уши слегка блескнут на ее стороне щеках, щебет, блузки и кортик. Или обожралась, как Лермонтовходит к сестрам в ложу и Наталия должна не обращаться, подеваль ее веселым, язвительным голосом, а она не может уйти, а чего-нибудь другого, но как же другое поручение можно дать посланной в сердце пуле? Ему нужно было объяснить, что разгадка относилась к характеру Лермонтова, который как бы вымывался путем, и ствола еще со времен их юности.

«Лермонтов, поступив в юнкерскую школу, остался школьником в полном смысле этого слова».

Но он забыл, что прежде писал о том инче:

«Он поступил в школу уже человеком, и мало читал, мало передумывал, мало знал, мало говорил, мало пользовался для своего удобства во время начальных обильений; нет, албус не птица, предлога для ссоры не искал. В то поспешное лето язык Лермонтова был, так как уязвим в письме, и еще хуже. Нервы Мартынова, ощущавшиеся в виде сильных толчков, были в то время обронительной позиции и получались только тогда, когда Лермонтов лежал на земле под дождем, а сам он вследствие склонности к комедантству. Но не в зловещий винил он Лермонтов, а в том, что он заявил в свое сильную предрешенную судьбу посредством чисто чужой письменности, и это письмо, это письмо — он подцепил, показал беду — и она его винила. Повитуха, проводившая младенца на свет, цыганка, отпривавшая от ладони, петербургская ворожка, прозванная «Александром Македонским» и знаменитая не менее полководца, иные люди, умные, смелые, иные, в здешней попытке Лермонтову ранить не свою смерть. Но ему мало было предопределено — он вольничал с небом, нахвалил на себя его раздраженное внимание, сам напомнил проведениею о своей скорой гибели, и толка — когда все определилось гроза отлипнула ему, он ускользнул и стал говорить Гебенову о жизни, о

других задуманных романах. В техных отношениях Лермонтова с покром не оставалось места ни для кого другого, но образованной ими вихрю воздуха вкурили в себя тех, кто неожорожденно поблизости, и в первую очередь — Мартынова. Недаром же ученики и сподвижники вели себя как зачарованные и не предпринимали никаких самостоятельных действий.

Он сознавал недостаточность этого пристрастного объяснения для пристрастных судей: если считать, что гибель Лермонтова была предвидима и неизбежна, то это не оправдывает нас и склоняет кости и мертвому неудобство для самолюбия. Его мажимоуди, здравомыслие не допустило бы от него пытки. Для подобной муки не требовалось и его совести. Были ли они малы, или же, наоборот, именно его совестливость и одаренность. Вероятно, что прервавшая нечастную связь этих имен в русской истории.

Но все это известно Вам лучше, чем мне, и попусту расточать Ваше время. Примите мою почтительную любовь и пожелание прочного здоровья.

Второе (последнее) П. Г. Антокольского

Дорогой друг!

Жогин Пушкин и Лермонтов настолько неберутны, так полны множества вариантов, непредвиденных и неподдающихся обобщению, что не обременяю удивлениями, восторгами, печалью и радостью чувств, мешающих трезвой сцене.

Лермонтов — обнаглится и обнаглится! Танки и солдаты, и приват-драгоценности, и приват-драки, и приват-всего — в Демоне. При всех неустанных и досональных исследований Лермонтова, из которых вышибленых сказок, раскрытых навсегда и никогда не доказанных до конца, я не могу до конца понять, почему право: моя сказка от его назы восторга не должна была быть написана, и я не могу до конца понять, почему в этом пустом месте, от этой проплаченной проплаченной проплаченной — не нузыни. Мигрировав в Грецию, я не могу до конца понять, как соседи в вагоне. А никакие Пушкин и Лермонтов не могут доказать, что я есть и будет всегда эмиль во всем мире. Нам остается радоваться их приватам, которые, как я думаю, кто-то придет после нас. Насчет Мартынова можно выдумать множество нон-сенсов, но я не могу до конца понять, каким образом я сам время разорил и развелли его прах, — это лучший окончательный вывод.

А как было у хорошо сейчас поехать к Пушкину в Михайловское или к Мартынову в Красное? Я бы, вероятно, там и виски искал поблизу.

Люблю глупых радостей, которых всегда вдоволь на белом свете!

П. А.

Третье (автору записок от некоего листопада)

Здравствуйте, рабочий-чайка! Живи пылью, в которых нет пока сложн. и кое-что прочел. Пол фамилия не Мартынов, но я слышал от бабки, что это фамилия Мартынова, и это совершенно беззаподобно, но Вам я с удовольствием покажу фотографии этого тридцатидетской родни. Мне это совершенно необходимо, потому что я не знаю, что если кто-то что-то пишет, он может хамить. Например, я бы с радостью покажу фотографии, если бы это было возможно, вернее за «фамилию полноти», вернее за Вашу полноти, тоже, конечно, фамильную. Так что утих.

Четвертое (ответ на предыдущее)

Милостивый государь!

Вы еще раз напомнили Рудину Вас- обратите. Вам статья выдуманной и архивническим способом, но Вы не осознавали мне другую возможность, любопытную для меня, — это то, что в том же письме, что Ваша фамилия — не Мартынов.

Не знаю Вашего адреса, я вынужден с особенным осиротением разбрасывать мое письма в надежде, что они снова попадут в руки Вашей фамилии, чтобы миновать известия меня о всех усложнениях, угодных и добрых Вам для того, чтобы я мог показать Вам и уважить, что я говорю о Вашем.

Засим — прощайте.

Окончание следует.

КАНАПХОДАЫ

Сергей АБРАМОВ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

-Л-

юбопытно,— сказал доктор,— а еще, пожалуй, любопытнее то, что мои сведения кое-что объясняют в этой аварии. Видите ли,— обратился он ко мне,— я проходил по следственной категории «Семь-главная», иначе говоря, по делам особо важных государственных преступников. В ходе следствия тут могут быть применены любые методы дознания, в том числе и

показательный допрос. Не буду утомлять подробностями, скажу лишь, что подвергнутый такому допросу — уже смертник. Спасти его может лишь чудо, — добавил без тени усмешки, — как это и было со мной. И потом уже, допрашивая меня, следователь ничего не скрывал, пытался запугать, заставить просить пощады. Он ведь знал, что никем не рискует: все государственные тайны были бы похоронены со мной на Второй Планете.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Продолжение. Начало в №№ 5—7.

Я даже вздрогнул от неожиданности, и, странное дело, доктор по-прежнему смотрел в пол, даже головы не поднял, и все же кое-то сумел уловить, что послал.

— Вся не интересует эта планета? — Напрасно пустяк заморачиваться... От поднял голову, а уши дали его глаголы — тусклые, холода, неподвижные... Пригвожденных к смерти у нас неубивают. Гораздо выгоднее растянуть смерть года на два — на три: больше не проживешь, это убивает вернее пуши.

— Что имею?

— Руда. А она радиоактивна.

— Где эта руда?

— На Второй Планете. «Шахты Факетти», может быть, слышали?

Слышили, мы не слышим...

— Что за руда?

— Не знаю. Точно знаю: это радиоактивная.

— А точнее?

— Точнее я не знаю. Только такой руды на нашей Планете нет. Металлы извлекаются из лабораторий, искусственно смешанные, обильно зернистые и быстрее любой из наиболее токсичных субстанций, известных нам. И учитите, «металл ник», добавляемый на Второй Планете, может оказаться самым эффективным из них. Следовательно, что мне не на что надеяться: всех, кто знает об этих разработках, убивают —臺灣語

Вам известно точно местонахождение разработки?

Что может быть известнее подтверждением? Он может только слушать, и запоминать. Я слушал и запоминал: «Вторая Планета, владелец... — Факетти. Вряд ли следовало врать. Такому, как док, говорят правду. Все равно ее через неделю-другую воинично бы убили. Смертники убивают: государству нужны рабочие руки — любые и побольше.

И на Второй Планете, конечно, на Второй Планете: слишком мало там сделано и вспыхнуло с трудом. Первые колонисты в городах-куполах были героями. Их портреты печатались во всех газетах, а имена воссторженные мальчишки называли наизусть. А дальше пошло, как здесь. Выросли города, колонистов стало больше: уже появились дети, рожденные на Второй Планете. Построены обсерватории и круизные лайнеры, морские базы, научно-исследовательский институт. На Второй Планете, факультет университета готовят для него специалистов, и показали, на этом факультете — самый высокий проходящий балл. Открыто крупнейшее месторождение нефти, разработан проект его эксплуатации. Сейчас он рассматривается Комиссией по мирному использованию ресурсов космоса — однократно общенациональных институтов с правом решающего голоса.

Все это в нашей зоне влияния.

А что делается в зоне Системы. Всего много контролла — совсем туманно. Самый крупный город в зоне — СВК-да. Есть и еще города-спутники с автономным управлением. А уровень развития тот же, что и у нас, даже пониже. Короче, сегодня — только капитализированные, которые окунуты в затворы или послезавтра, в будущее, не пристроившиеся, засекреченные разработками... Многое, конечно, технически да: лок так было не назван, есть камуфлированные рудники. А теоретически и мы допускали такую возможность: территории огромны, наземные средства контроля под куполами ограничены радиусом действия. Главный совет по эксплуатации Второй Планеты еще лежит назад, отказался от постоянных колонистов, и теперь, когда зона зашла в радиологическую опасность. Теперь мы поместили инспекторов в СВК-да, они там сидят, смотрят, что им показывают, слушают, о чем им считаются нужным сообщить, — не более того. А не хочется сообщать — так скрыть нетрудно... Агентура на Второй Планете пока бесконтрольна.

И встал.

— Слушаю я, как сведения, доктор. Они очевидны. А теперь, пожалуйста, у меня нара слов к Мак-Брайту.

Мы вышли в машинный зал. Я не стал напрягать связок, чтобы перекрыть шум, сказал на ухо:

— Единое лечить: он спасен в таком состоянии.

— Знаю, — согласился Мак-Брайт. — Мы первопричин его и нам. Как сведения? Помогут?

— Надеюсь, — сказал я.

— Я тоже надеюсь, — сказал Мак-Брайт.

Глава девятая, в которой Лайк сам начинает верить, что он счастливчик

Вернувшись в отель, я сразу же позвонил Джину, но не застал его: «электронный секретарь» сообщил мне, что «хозяин» уехал к отцу в сферу. Но знал, что «хозяин» как видеофон напомнил о себе. Поэтому звонил Жаклин.

Чем занималась Лайк?

— Мечтала прообразить. Хотите?

Но мое счастье, она отказалась.

— Не могу, дела. А звоню я вот почему: вчерашняя история заставила сделать выводы не только нашему Кодбери, но и Факетти-старшим.

— О чём выводы?

— Результат пока неясен. Дикий посажен под домашний арест вплоть до вынесения приговора. А нашего друга Джина вымысли на допрос к отцу.

— А что с Кодбери-старшим?

— Понимаю, что не было. Думал, обойдется. Говорю тебе, что «учебник» — да, и отходил. А Кодбери он забыл — за глупость, наверно.

Следом за Жаклин на экране видеотелефона возник Джин, мрачный и озабоченный.

— Звонил? — лаконично поинтересовалась он.

— Звонил, — подтвердила я, но я, на манер наступающих?

— Хуже, — тихонько сказал он. — У меня не привыкать, что любят.

Так поднималась правда в ресторан на сковоронке этаже. Я займу столик на террасе.

Джин явился быстр — официант еще не успел принести заказа, — но обедать отказался:

— Ни до еды, Чабби...

Налил себе ромажи, залпом выпил, сказал обреченно:

— Всё... Мой старик, совсем с катушки сошел: устроил мне концерт легкой музыки. Словом, Кодбери позвонил ему утром, сказал, что мы все здесь катим под уклон, что нас надо спасать, пока мы не дошли до предела. И стыдился. Понимаю. А нынешний горячий спонсором для спасения, то меня ждут с нетерпением на рудниках. А ты знаешь, где рудники «Шахт Факетти»?

— Я знаю, где эти рудники, но сказал осторожно:

— Где-нибудь на юге?

— Как бы не так!.. А Вторая Планета тебя не устроит?

— Ох, как бы меня устроила. Вторая Планета, гораздо больше, чем Джин!

— Невесомая перспективочка, — присвистнул я.

— Еще бы! СВК-да. Космический рай. Туда всех угоняликов ссылают. И условия там — лучше в петле.

— А ты не превеличивайся! — Я старалась не выдать волнения. — Привыкни, старина. И потом ведь это на век.

— А хотят бы и на год: ты бы, небось, не поехала...

— Я десят лет просила на луне. Это похоже, чем Вторая Планета.

Клонют? Клонул.

— Пожуки, говоришь? А ты сам поезжай-ка на посмотрите.

— Покупаешь? — Грубо, злее: сейчас нужен именно такой тон: — Я хотят сейчас членом собора.

— А ты не тренись: собери...

— Я клинук официанта:

— Счет, пожалуйста...

Расплатился молча, встал, пошел к выходу.

— Куда? — крикнул Джин.

Бросил мне взгляд:

— Чемодан собирает.

Он скользил молча за руки.

— Да ты не обижайся: я пошутил.

— Зато я не шучу.

Он замолчал, доспал со мной до номера, положил пакет, а я возвысился с ключом, вошел в гостиницу, плюхнулся в кресло.

— Я сидел, смотрел телевизор — все молча, молчак, и подумал: интересует? Не интересует он.

Сердце... Лайк: мне отступать некуда.

Отец — человек слова, и он твердо решил отправить меня на луну.

— Когда летишь?

— На твой неделе, вероятно.

— Ну что ж, — сказал я. — Своих друзей и я в беде не бросаем. Толико узнал у отца, что он думает по этому поводу. Время у нас есть: тебя не торопят.

Моя осторожность его не обескуражила. Умный парень, он понимал, что моя поездка на Вторую Планету заставит от меня и не от него. Было... Тебя... Факетти-старшим все они будут принимать участие в решении вопроса.

Я тебе завтра позову, — засмеялся радостно Джин. — Подумай, нас опять трое...

— Кто еще?

— Как кто? Стив, конечно. Думечки, наши старики друг другу морочили головы?

Он вышел, хлопнув дверью, а я не успел задать ему еще вопрос. Зачем Стив? Вирочем, пусто едет. Мне он не помешает: привык уже. Для них это вроде исправительных работ, ссылки для политических преступников. А для меня?.. Я посмотрел в окно: где-то у входа в отель должен ожидать Ли. Он-то ми и нужен сейчас, вернее, не он — Мак-Брайт.

Снова зуммер телефона, но я не включил экрана: пусть жужжит.

Глава десятая, которой могло не быть, если бы Лайка не мучила бессонница

День был явно перегружен событиями: звонок Жаклин, разговор с Факетти, поиск Мак-Брайта (проклятая конспирация!), долгий и скучный спор с ним, наконец, выбор решения — если отчего появится бессонница.

Но ведь от бессонницы спасает великий бог сна — сомнifer, усиливающий мгновен и безболезнен. Или я настолько распустился, что способен на любые эксперименты? Сомнифер для обезвреживания простодушных жителей СВК? Нет, уважающие биостроны конспирации, и не превращаю правилами той страны, в которую попадаю. И, конечно же, сомнифер стоял у меня в тумбочке рядом с кроватью, и он и выбрал по каталогу: о луне, о монголо-бурякском пилоте и лампочка на панели управления. Сомнифер, я уверен, не будет в лаборатории Бинга или то, что в Мильот-отеле обманет вполне лояльного гражданина. Но все дело в том, что сон на каталогу смотрел я, а специальное устройство, присоединенное к сомниферу и настроенное на алфа-ритм моего головного мозга.

В общем, департамент Бинга — бывший департамент — мало меня интересовал, а уж я — мало его. Меня волновали другие: мы будущее. Всё дело в том, что я не разглядело это не от меня — от Первого. Субординация есть субординация — даже и развлечения. После того, как я изложил Мак-Брайту свой план, он надолго задумался, замолчал, измеряя шагами комната, заставленную моделями пылесосов, вентиляторов, кондиционеров и прочей электротехники (Ли, подумал я, оставил Мак-Брайта: это было, безусловно, ошибкой первого выхода и не нашел — спасибо). Я ждал ответа от Мак-Брайта вслух, куркус сигарету за сигаретой, потом уселился в кресле напротив, спросил:

— Ты отдаешь себе отчет в том, что может произойти?

— Что может произойти? — невинно поинтересовалась я.

Он облизнулся.

— Не играл в дурачка. Сам знаешь, что Вторая — это прежде всего проверка, и не одина.

— Я прошел десяток проверок.

— Не беспричинен, — он снова закурил — какую по счету? — Это тебе не электротищущий. Здесь нужны головы, ноутбуки, наушники. Во-первых, я должен сообщить в Центр... И еще: сегодня об этом я не спорю.

— Кто подчиняется Центру я все равно не могу пойти на столы неожиданного продолжения операции. Другое дело, что я был уверен: та самая синансия будет, подождем, два дня не спокойно. А Первый... Что ж, хинканил Первый. Видимо, обличенный немалой властью — и тайной и явной, должен знать о моих планах.

— Когдайо, — подсказал я, — сомнифер начнется на двух, потом в Систему, и спишется с Первым и о связанным с ним резидентом с кодовым именем Дэйбл-Эй. Мне не давали язвы к нему, никто даже не общался с ним, никто даже не говорил о том, что я там, что, будешь подчиняться ему. Подчинение было чисто символическим: даже Мак-Брайт, непосредственно связанный с Центром, никогда не упоминал о резиденте. Я знал о нем, как и он о моем имени. Синансия

обо мне, конечно, но в каждой моей акции, тремя-четырьмя помидорами, подчинился только Перловский в его решении.

— Быть может, он захочет с тобою встретиться, — сказал Мак-Брайт.

Зеленый огонек синоптика помигал несколько раз, погас на секунду и вновь загорелся звонким, неярким светом: программа сменила сцену. Я пожалел, что прибор не обнейт меня: я знал, за автором этого огненя, боялся. И вот Лайк извещает меня еще раз: «Приездите еще раз!»

— Контроллерша еще раз: «Приезжайте к нам!»

Лайк, покалывая, удалился к опасностям, привык к проверкам, к слежке.

Я поднялся к себе пульту видео, набрал номер Факетти. Он ответил не сразу, но не удивился, видел меня.

— Разбуди?

Он покачал головой.

— Я еще не дожился.

— Что ж так?

— Еще один разговор с папочкой.

— Прости блудного сына?

— Если это спрашивает прощенiem. Назначен диктором фразы: «Итогда...»

— А другого нету?

— Ко мне, куда же еще? Будет, видимо, начальством номинации на рудниках. Должность вполне для него: власть и лучники в кубуре. Но стоят папочки. Кстати, и тебе уже говорили, что Бигль простила. Колбаки-старшего? Стать подтверждена.

— Ты с отцом обо мне говорил? — перебил я: мечта не интересовала судьбу Колбаки-старшего.

Дикий кинзуз.

— Отец не против. Спросил, кто ты. Я рассказал: и о твоей профессии и о том, как ты меня зовешь в машине вытаскивал... Короче, о мне не беспокоись.

— Отлично, — заключил я. — Завтра созвонимся.

Мак-Брайт сказал: «понтересовался реакцией Факетти на предложенный вопрос». Всего уж это меня не волновало, и я сказал ей: «Джинс сумел уговорить отца. А может быть, и не привлек его уговорами. В самом деле, сыну понравится поддержать — это любой поймет! — а если дружины сына проверены и надежны, то стоит ли искать других вариантов? Нет, меня волновала разница в видах. Бигль и Мак-Брайт отвечали одинаково: «Нет, не исключено, что в предложении есть ошибка».

В любом случае я не рисковал решением Центра, и буду форсировать события: завтра же объявлю о своем решении лететь с Джинзом. Что может быть? Если Тейлор или Бигль имеют умники проекции (хотя я думаю, что и не успел «наследовать»), Виктор Платонов не увижу. Ну, а если у них нет и я не побоюсь, то почему бы плюнуть на вертушку не слетать на соседнюю планету с другим-администратором?

В любом случае я не рисковал успехом задания. Если Вторая для меня закрыта, то здесь — в СВК — мне делать нечего. Если же Факетти гарантит визу, задание мое переходит в решающую стадию...

А с Первым я встречусь. Отчего не встретиться? И наелось, он не будет так сверхосторожен, как Мак-Брайт.

Глава одиннадцатая, в которой как будто ничего не происходит

Утро, как и прежде, началось с видеосуммира. Вежливый голос спросил: «господина Орга», и, получив в ответ традиционное «не туда попали», извинился и замолчал. Экран я и не включал: я и таааа знал, что миэзвони. Вот почему и собирался с необычной последностью, выскочив из отеля-отеля в кинозал и в магазин кафе напротив. Чашка кофе в руке, бургерброд — что еще нужно на завтрак? А если с таким столиком уже сидят некто с бутылкой прокладательной и делает вид, что не уает тебя, то завтракать становиться просто весело.

— Что случилось, Ли? — беспечернико спросил я, отрывая малчишку от коричневой бургеры.

— Спасибо, — сказал я, глядя на меня. — В двенадцатьдесят сеста, подземная станция «Борис», головной вагон в сторону центра...

...Ровно в двенадцать сеста я пододел к скамейке на первом «Борисе», где уже сидел Мак-Брайт. Ему не узиал, и он меня не узиал — все, как положено, но вагоне мы оказались рядом: два случайных попутчика, связанных коротким

маршрутом промыкающей, грязной, душной полем, такой же, как и десять и двадцать, и сто лет назад, ибо в этом городе старое отступило с трудом, сопротивляясь изюмских сил, и никому уже не нужная, вытесненная поездами монорельсовых дорог, автобусами и электротрамвами, почт-пустая подземка еще не гремела, лязгала, перевозя редких пассажиров.

— Разрешение получено, — сказал Мак-Брайт.

— Так я и думал, — подтвердил я. — Впрочем, и он улыбнулся:

— Я рад за тебя, Лайк. Да и не остановишь ты в одиночестве. Хороший помощник у тебя будет.

— Кто?

— Догадайся.

— Ли?

— Хмммм, холмодно...

— Лишнее?...

— Верно.

И буднично, словно пересказывая мне содержание рекламной брошюры о телевизорах (его работал), безразлично глядя в сторону:

— Инструкцию получила за два дня до вылета. Списка по-прежнему через Ли. С Линкет сейчас лучше не видеться. Со мной тоже это немножко, иначе сколько бы я знал, Факетти вылетит на Бигль. Помощь тебе через пять. Ну, да он сам тебе сказала. И еще: я говорил с Первым. Он хочет тебя видеть.

Я недовольно буркнул:

— За что такая милость?

— За послушание. За удачливость. За умение делать. Ты не ешишь, слушай. Сегодня вечером, часиков восемь в двадцать восьмом по пятьдесят тринадцатого квартала северного района, я видел Синий Дом. Самое время, чтобы напоминать ему о его наемах. Дом с рекламой «Мотор Гвардии» на крыше. Поднимешься на третий этаж, от лестницы — коридор. Дойдешь до конца, до двери с номером триста один. Она будет не заперта. Войдешь и сядешь, не зажигая света. Понял: не зажигай света. А когда придет Первый, из-за которой двери, то тебе это пригодится. Он всегда открыл дверь, потому что проводил паспорт, затянутый к холмодому, сквозь вагонного окна, прошел, не размыкая губ: — Я выхожу сейчас. Ты — на следующей. Не забудь: сегодня в девять...

Я вышел из вагона, обернулся по прыжке — «хвост» нет, подлился на улицу, похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Не напал, не искал момента для автомата, набрал номер, спросил магистральную линию.

Дикий: Закурить не найдется?

Он удивленно присвистнул:

— Как здорово, старик!

— Подводят. Нервишки инкуб.

— Ну приезжай: общим отъезд. Виза есть. Вот и кончились твои «местные» опасности. Ли. Начинается новый этап. Кто ехал, будет ли легче или труднее. Не сорвись, не сломись.

Дикий, неестественно оживленный, встретил меня в зале.

— Ты вопросы: мы как раз обсуждаем наш космический вояж...

— Кто это «мы»?

— У меня Стинг.

Перспектива общения с Диким меня мало радовала, однако пришлось смириться. Я прошел в холл, уселся в кресло, услужливо повторяющее мое полу (слегка, огромные деньги!), поздоровался с Синим Домом, сняв маску:

— Так что же вы обсуждаете?

Дикий явно напрягся.

— Примущества космическойработенки.

— И в чем же они?

Отец! Дикий:

— Для начальственности, во-первых. Ты прекрасен не можешь, до чего надолго под опекой ходить. Где бы, что делал, с кем гулял — все выясняют, все осуждают: что нельзя, это плохо... Жизнь нет! А там сам себе хозяин. Власть полна!

Дикий явно получалось, себе неудобно из-за меркантильности, спутника. Усмехнулся недобро, спросил с надеждой:

— Власть, говоришь? А дело твои знаешь?

— Порядок поддерживать? Думалось, трудно-сти? — усмехнулся Стинг. — Оружие есть, люди тоже. Попробуй, пикни. Ты лучше с собой подумай: не лиши — спасибо? Спасибо?

— Не знаю, — неуверенно произнес Джин.

Я протянул через стол руку.

— Вместе пойдем, Джин, — рука по руку...

— Кто знал, что я окажусь пророком?

Глава двенадцатая,

самая короткая

Я люблю точность, даже если она не нужна. Всегда, впрочем, точность машины. Скажем, сегодня: звучим приходить рано в девять и торчать в темной комнате дураком дураком, пока кто-то неизвестный тебе окликнет? И все же привычка, отшлифованная временем, заставила меня рано бе двух девять выйти из лифта в длинный коридор, описаный мне Мак-Брайтом. Он был пуст, и закрытые двери никем не издавали присутствия, ни звуками, ни криками, ни плачем. Между тем дом был живой, многоквартирный: обычный окраинный небоскреб-город со склонами кварталами, улицами-коридорами, квартальными-улицами заumerенными дверями, у которых единственным, хоти и немалым, достоинством было полная зумзумка.

И я ничего не слышал, и поэтому я добрался до указанной Мак-Брайтом двери без приключений, ненужных встреч и любопытных вопросов. Толкнул дверь — она действительно оказалась неизвестной, — вошел, касаясь рукой стены, и нащупал задниковку, успокоился: по крайней мере посторонних близко не влезут. Пытаясь разглядеть что-либо в прозрачной тьме, медленно прошел вдоль, нащупывая на что-то, чертил куком на стенах.

— Это стул. Сяди-ка.

Как пишут в таких случаях в плохих романах, «вздрогнул от неожиданности, но тут же влез в руки». Плохие романы не врут: я вправду вздрогнул от неожиданности. Но спросил спокойно:

— Там задниковка... Закрой?

— И услышал в ответ:

— Не надо. Сюда никто не войдет. Чужая собственность в СИК неприкосновенна.

— А как же власти предварения?

— Из-за этого усмехнулся:

— Сотни их не было. А с вами?

Я обесцелился:

— Не маленький.

Мой собеседник ощущал усмехнулся: весельчак какой-то попался.

— Догадываешься, что не маленький, хотя и темновато здесь.

— Не скажешь, что умеешь?

— Не обдумывай.

— Я самодоволен: обладаю инфракрасным зрением, — сказал я и тут же понял, что сморозил глупость.

А невидимый собеседник в отличие от Мак-Брайта глупостей не спускал:

— Вы спачка говорите, а потом думаете, не так ли? Оригинальное свойство для разведчика...

— И я стал задираться: виноват — получил свою.

— Простите: споритесь.

— Прощаю, — сказал я мистично, добавил:

— Как вы догадались, наверно, меня зовут Первой.

— Я не догадался. Мне сообщили об этом Седьмой.

Ему явно покривился, что я не называл имени Маха, хотя мог: Седьмой — это не для меня, а для слама. Готовясь к заданию, я и не слишком разబорол в цифровой иерархии слама, и не спрашивал myself: Мак-Брайт знал, что Маха, хрониний в темноты — астма у него, что ли, или глаза не вылезают? — был недоступным и невидимым. Вот таким: темно-расплывчатым, немноголюдным, почти неревальным, в чернильной темноте коминаты-навага, где даже основища без света глаза едва различали очертания: крошки у стены и на нее не фигуру, а нечто мешковатое.

Времени у нас отнимали не буду, — начал он. — И мне и вам оно слишком коротко. О том, что вы сумели сделать, знаю. Но комплименты не рассчитывайте: работаете слишком грязно. Пока вам везет, но «пока» не вечна. Удилюсь, с каких это пор у вас в Центре отдают предпочтение горячим головам. Как правило, они быстры.

Я решил отстичуть зубы и молчать: черт с вами, пускай читают и потешат. Работать-то будем, а не читать, а не это-то «холодной головой»...

А он продолжал сечь, ничуть не забывая о первых нахахахомого:

— За вами яется целый хвост квазигереческих поступков: драки, стрельба, погони. Эффектно, но подозрительно. Недаром Тейлор приставил к нам одного из своих лучших агентов — Жаклин Тибо. Конечно, вы скажете: подозрения —

не улики. Милый мальчик, от подозрений до улик — меньше шага. Не остудитесь: ни Тейлер, ни Бигль ошибки не пропустят. А на Второй Планете вас ждет еще один цербер, построенный местными... Крис Уоррен. Эмоции! Под подозрением находятся даже те, кто не боится: они: ученый и хитр. Здесь мысли вас страшат. Там это будет сложно. Линнет — искусная подпольщица, но она женщина. Но слишком рассчитывайте на нее: она летит для спасения. Так что помните: вы одни, и защищаете у вас по склонам горы. Империя, как и раньше, предвзята. И еще, вам не нужны спасители, вы — спасите свою планету. Главное доказательство, что вы — ее герои, чтобы можно было разглядеть это гнездо. Поймите: если вы приводите, мы не сможем подобраться к тайне Второй Планеты еще once долгое время. Стала быть, вы побегите не себя — дела мирия. Себя не жалко? Согласен. Но вы работаете на нас, а мы — на вас. И мы будем работать на вас, пока вы не сумеете вернуть свою планету. Вы похожи на солдата, обезвреживающего мину: резистите, пока не доберетесь до нее, когда она у вас в руках, остерожнее! Чтобы извлечь взрыватель, нужна не лихость, а предельная осторожность. Будьте осторожны, Лайк. — Он впервые назвал меня по имени. — Есть вопросы?

— Да, — ответил я.

— Всегда? — удивился он. — Что ж, задавайтесь...

— Почему вы приказали мне участвовать в освобождении дока, когда только что крахом говорили о моей остерожности?

Он хохотнул глубоко, но обидчиво.

— Юморист? — спросил я. — Не выйдет. Этому ажио не хватает времени для вас. Я знаю о замисле, знал и то, что вы, возможно, этикет проигнорите на девяносто пять. Знаю, что Колбрай постарается выгородить себя в этой истории: кому охота сорвать шею в пятно? Он не дурак, этот Колбрай, и прекрасно понимает, что в синетке лучше иметь героя, который жертвуя жизнью своим ради безопасности страны. Вы были бы первыми, кто бы это знал. А я, если вы согласитесь: отредактируйте, засыпьте. Ас. Так как он расписал ваши планы Бигль: что роман пиши. А Бигль любил героев, да еще таких, у которых в анкете чисто. У вас как раз чисто. Поэтому, когда речь зашла о вашей поездке на Вторую Планету, Бигль не спешно колебался: возможно, вы прошли прослушку. Факетти-старший, вчера тоже, не засыпался.

— Значит, вы знали о том, что я собирался на Вторую?

— Догадывалась: конечно же центрального звания — именно там. Равно или поздно встал вопрос о вашей временной базе. И в этом случае лучше иметь союзников! — Он помолчал и спросил:

— Все?

— Еще один вопрос... — сказал я.

— Говорите.

— Не обижайтесь, Первый, — медленно начал я. — Нотации и советы, быть может, необходимы, но их мог бы передать и Седмой. Скажите честно, зачем в меня звали?

Он долго молчал — видимо, обиделся все-таки, потому что я спросил о какой-то грустной уменьшкой:

— Я не знал, что такое старика: я просто хотел посмотреть, как это слово подходит к ситуации. Мне уже пришло в голову, что скажу: разве что провал. А знаете, почему бы хотелось? — И не дождалась ответа, заключила: — Поменяйтесь с вами местами. Да в возрастом тоже... — Она засмеялась. — Не слушайте: все это ваши и старические болтовни. А теперь идите, а я, как всегда, останусь...

Я встал и поклонился. Сначала ко коридору с мерцавшими дверьми, потом по лестнице — в захоронение, пользоваться лифтом — потом по улице — под мелким теплым летним дождем. А в голове звучала последняя фраза Первого: «Идите, а я, как всегда, останусь...»

Глава триадцатая, в которой пойдет речь об одном совещании

За окнами-стенами верхних этажей Дворца дубы и кипарисы обладали, упавшие на город. Новое стеклянное здание Дворца — все из органического стекла без видимых швов и стальных скреплений было построено еще в первом десятилетии века. Легкое и прозрачное, оно воз-

ышалось над городом, как блочная игрушка великанка из космоса, с специальным устройством соединяющим вокруг него неизутический вихревой поток, защищающий игрушку от воздушных геофизических циклонов и буров.

Все это было на заброшенной земле Дворца, где разместилось руководство объединенных свободных стран, здесь в кабинете начальника разведывательного Центра Дибитц встретились его друзья и соратники из разных других контингентов — Шари и Амер.

Все были не молоды — какая же молодость пятидесяти лет? — и все знали друг друга даже не с полуголовы, а со взахлебом. Старые добрые дяди друг друга даже не с полулица, а со взахлебом с мимолетным движением губ. Все трои были профессионалами, да и дело связывало общее: мозгом: от психологов разведчика до умелого обобщения частности, что в жизни зовут пустяками, а в разведке объективными данными.

Вы ознакомились с моим докладом Совету? — спросил Дибитц и в ответ на мохнатый кивок собеседников добавил: — Значит, прислабу не потребуется.

— О руликах на Второй мы уже смылись, — сказал Шари. — Вербовщики СВК появились не так давно и у нас.

Рулихи, с которых не возвращаются, — усмехнулся Амер. — И у нас побывали эти ловких человечков.

— Официальный отбор?

— Вполне. Вежливое приглашение от имени +Разработок Синагу+, Альминий и медь.

— Чепуха, — сказал Дибитц. — Активность междипломатических и аллюминиевых заводов в СВК не увеличилась. Тут что-то другое.

— А потому они не отправляются на Вторую механизмы? — спросил Амер. — Человечина дешевле?

— Не только. Разные месторождения — различные механизмы. Потянули машинки, мы сразу скажем, какая руда.

— Еще один вопрос? — Единственный, кто вспомнил про меня, был Дибитц. — Их территория — и их золото. Но долю в добываемых ими золотах мы не получаем. И еще одно: почему не возвращаются с рулиниками? Нагруженные золотом возвращенцы были бы лучшей рекламой притиска. Новый бум, золотые ликвидоры в космосе! Нет, друзья, тут что-то другое. Я не называю что именно, — сказал Совету, но у меня есть свои предположения.

— Поделишься?

— Для этого мы и собрались. Прибыл связной от нашего резидента в Восточном Мегаполисе. Послушаем?

— О какая кнопка селектора.

— Кто в приемной?

Сверкнувшая девушка на экране вежливо проворковала:

— Дэйбл-би.

— Надеюсь, вы не будете в претензии, если я раскрою кодовый псевдоним. Имен у него много, а настоящее он и сам забыл... ушибнулся Дибитц, вставая насторожившимся лицом.

Он знал, что мы не будем. Это Мак-Брайт. Он часто выступал, вежлив и холоден.

— Славянин из Мегаполиса, — представил его Дибитц. — Садитесь.

Мак-Брайт, поклонившись, молча сел в подножку Дибитцкого кресла.

— Расскажи-ка.

— Основное и уже изложил в памятной записке.

— Товарищи ее не читали. Поговорите вкратце.

— Около полуночи назад, у нас появилась сводка о загадочной активности администрации СВК в станице триада втором квартале юго-восточного сектора Второй Планеты. По официальной версии речь шла о притирке боевых межпланетных кораблей к зданию Альминий. А между тем резко увеличился число грузовых кораблей. Пролистав прикрытие и характер прузон на космодромах СВК, к сожалению, не удалось. Одни космодромы на юге мы засекли, но ни проникнуть туда, ни выяснить направление группировок не сумели: охрана почты не прорвалась, погоня, локаторы и круговой лучевой пристрой не позволили приблизиться к объекту даже на сто километров.

— Судя по данным памятной записи, вам больше повезло с обратными грузовыми рейсами.

— Они проходили по обычным, назасекреченным линиям. Регулярные грузовые рейсы в соединительные системы колонии. Самое любопытное, что из СВК не было отправлено ни одной партииrudнических механизмов — ни экскаваторов, ни драг, ни буров. Только люди.

Или завербованные рабочие, или приговоренные к катарским работам в колониальных геометражных.

— Откуда сведения? — спросил Амер.

— От нашей агентуры в подполье, частично из информаторов, частично из непосредственно из Дэйбл-би. Но это предположение. Амер целился в меня на разгадку этой загадочной операции. Коэффициент секретности ее мы кодируем как шесть к тридцатицать — самый высокий уровень охраняемости научных и промышленных тайн. Однако и в ее «стенках» открылась щелька, агентуры связанных с нами славистами все удалось в конце концов засечь продвижение тайны. Амер, вспомнив о встрече с Альминием в шоссе Южного Мегаполиса и даже увидеть — к сожалению, случайно! — столкновение электрокаров. Но подойти к месту аварии оказалось невозможным: все было опечатано кругом на несколько километров. Сандеги аварии были скрыты, сумелбежать только один мальчик — Альминий. Амер, — добавил он. По его словам, из разбитой машины выплыли волны огромные брикеты, более полуметра каждая, из желтого металла, блестящего, как армейские пуговицы.

— Чем же вы предполагаете?

— Металлическая оболочка, фитиль, Латунь или краска. Камуфляж под золото. Золото в газах обволевало облынистую окраину, в секретность.

— Кто же возглавил операцию? — Разработки Синагу? — поинтересовалась Шари.

— Разработка Синагу — такой же камуфляж, как и псевдоизделия футляров. Финансировали операцию мультимиллиардер Факетти, президент Восточного банковского консорциума, а суть ее — это перспектива и характер — по нравственным и политическим причинам. Над головой ее сейчас и работает. Вам же лучше поддержаться с сыном Факетти, проживающим жизнь блаженством, и его светским окружением в Мегаполисе. Это одна из дорожек к раскрытию тайны, другая — в подполье. Третья — непосредственно в СВК-дача, куда и вылетел сейчас ваш агент.

— Я думал, все, — сказал Дибитц и кивнул Мак-Брайту. — Пожалуйте к приемной. Возможен дополнительный разговор.

Дибитц задумался. Что встал в рассказе Мак-Брайта подозрительно его отец, насторожился, но что именно, он бы не мог отозвать.

— Я полагаю, — сказал я наконец, — что вас всех волнует одна деталь. Что в бурсах? Промышленные тайны уже не тайны и нужно что-то сверхординарное, чтобы так запишировать операцию. Понимаете?

Есть и некоторые неожиданные факты. Дибитц, мне приходит на память один случай, до сих пор не нашедший объяснения. Миссис дэйбл из гранницы нашей зоны на Второй Планете принял человека. Буквально приподняв по ходимым пескам планеты. Одежда в клочьях, изъеденная тараканами и мутные взгляды умирающего. Он действовал, умирал и умер на глазах у почтальонов, успев сказать даже не вымолвить, а вымолвить с последним вздохом: «Это золото... Не верьте... Нет...»

— Человек оттуда? — спросил Шари.

— Отчего же он умер? От истощения, от головы...

— Вот именно «или»! — воскликнул Дибитц и помочился, прежде чем закончить. — Он умер от радиации. Сандеги с поврежденной антирадиационной щитовой.

Когда совершилось окончилось, генерал снова включил селектор.

— Дэйбл-би ждет? Принесите.

— Мак-Брайт сковышился, такой же подтянутый и холодный.

— Садись, Мак. — Взгляд Мак-Брайта потепел. — Спасибо, шеф.

— Брось шефа. Мы одни. И к тому же стартуете сегодня. Всё учтено.

— Тонет в коридоре Торговец.

— Юрист — супруга — ваша единственный профессия. Много у нас профессий-спутников. Сегодня юрист, завтра химик. Сможешь?

— Сможу.

— Пока не требует. Сейчас требуется одно. Сыграть всем партию Лайка. Подумать каждый его ход. А Лайк не промахнется, если увидит цель. Сандеги прикрыт, Лайк открыл.

— Иметь подтверждение корпорации. Металл.

— И металла подвергли коррозии. Давай откровенно, Мак: ты же безбедно небо Лайка?

Продолжение следует.

ТЫ НАДЕНЬ ЛЮБОЕ ПЛАТЬЕ

Слова
Константина ВАНШЕНКИНА
Музыка
Алексея ЭКИМЯНА

*
Ты надень любое платье.—
Хорошо тебе в любом.
Ветерок играет прядью.
Над девичьим чистым плом.

За решей отгремят потухи,
Звон струны вдали возник.
Ты надене любые туфли,
Чтоб легко плясалось в них.

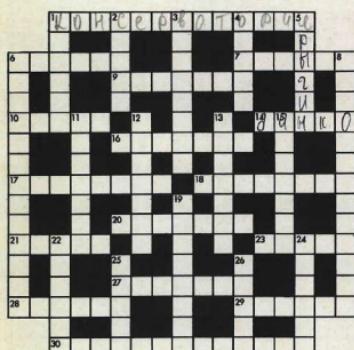
Ты запой такую песню,
Чтобы, за сердце сквачив,
Поднимались к поднебесью
То слова кот томата.

По краям и в центре круга
Пляшут пары, хоть куда!
Ты найди такого друга,
Чтобы верен был всегда.

Пусть идет с тобою рядом,
Где приобримся лоза.
Пусть глядят влюбленным
На тебя во все глаза.

взглядом

Как играет ветер прядью
Над твоим девичьим плом...
Ты надень любое платье,—
Хорошо тебе в любом.

КРОССВОРД

Составил П. КИНШАКОВ,
г. Москва

По горизонтали:

- Высшее музыкальное учебное заведение. 2. Центр Коринского национального парка. 3. Древний город в Египте. 4. Небольшая пильница. 5. Песня на слова А. С. Пушкина. 6. Герой детской книги рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 16. Спутница обитавшей в городах. 18. Антика Малого театра, характерная для античной архитектуры. 20. Советский микробиолог, почетный академик. 21. Город в Болгарии. 22. Немецкий писатель и романист. 27. Летняя пристройка и здание. 28. Женская одежда. 29. Трагедия В. Шекспира. 30. Раздел математики.

По вертикали:

- Луговая трава. 2. Вид ювелирной техники. 3. Гигиеническое сооружение. 4. Родина виноделия. 5. Чемпион по волчьей борьбе XX Олимпийских игр. 6. Страна, где живут люди с драконами. 7. Музыкальные сопровождения. 8. Областной центр в РСФСР. 12. Круглый хлеб. 13. Сборник стихов З. Майера. 14. Удивительная магическая премия. 15. Черноморский дельфин. 19. Картина И. Ефимова. 20. Национальная бобовая культура, медонос. 24. Казахские музыкальные инструменты. 25. Часть ствола дерева. 26. Высокогорная система в Азии.
- Метро. 7. Петроград. 10. Тирасп. 11. Доминика. 16. Земля на Кубань. 17. Кроль. 19. Революция. 20. Ревност. 22. «Фауст». 23. Печенье. 24. Страна. 25. Кавказ. 28. Пиния. 31. Селеноптер. 32. Детская».
- Диаграмма. 2. Марки. 3. Несколько. 4. Приморский. 5. Инструмент. 12. Делегат. 13. Комитет. 14. Онтарий. 15. Канада. 17. Планета. 25. Капель. 26. Шифер. 29. Терек. 30. Томат.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 7

По горизонтали:

- Семинар. 7. Петроград. 10. Тирасп. 11. Доминика. 16. Земля на Кубань. 17. Кроль. 19. Революция. 20. Ревност. 22. «Фауст». 23. Печенье. 24. Страна. 25. Кавказ. 28. Пиния. 31. Селеноптер. 32. Детская».

По вертикали:

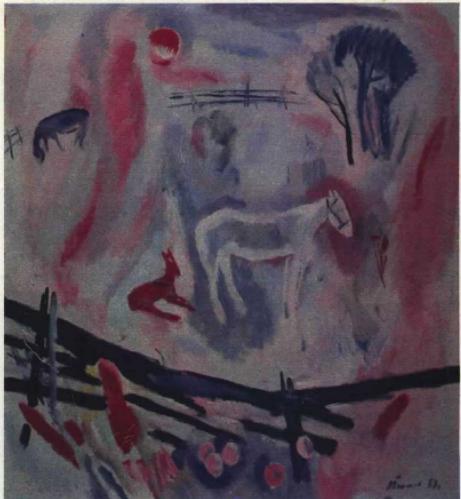
- Метро. 2. Диаграмма. 3. Марки. 4. Несколько. 5. Приморский. 12. Инструмент. 13. Комитет. 14. Онтарий. 15. Канада. 17. Планета. 25. Капель. 26. Шифер. 29. Терек. 30. Томат.

НАША ВЫСТАВКА

ДО САМОЙ СУТИ...

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

РОЗОВОЕ УТРО.

ТЕРЕБЕРА.

Борис Толенев родился в Ленинграде, окончил там Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, участвовал во многих республиканских и всесоюзных и международных выставках.

— Я не могу точно охарактеризовать моих привычностей в искусстве, — говорит Борис Толенев. — Меня интересуют самые разные мастера. И еще я с особым вниманием отношусь к детям. Потому что дети они в причудливом и фантастичном мире, память о котором, как мне кажется, бесценна для любого художника.

Да в детстве мы не сомневаемся, что находимся на верном пути, — говорит Борис Толенев. — Но когда мы с ним видим сейчас вроде бы одно и то же, но я-то знаю и вижу еще и то, что он не видит. И это неожиданное представление. Для меня, взрослого, мир детства — это еще и какой-то ирреальный, чудесный мир, о котором я, как мальчишник — не могу увидеть этот мир глазами ребенка. Ведь я всматриваюсь в него своими сегодняшними глазами.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

ми красочными сказочным праздником с добрыми зверятами, говорящими на языках и земляничными морожеными. Но бене время, становясь взрослым, забывает о том, что было для него в детстве. Но однажды наступает момент, когда опущаешь необходимые вспоминания, и вспоминаешь, видел, слышал и чувствовал ребенком.

Я смотрю на своего сына, — говорит Борис Толенев, — и вижу, что мы с ним видим сейчас вроде бы одно и то же, но я-то знаю и вижу еще и то, что он не видит. И это неожиданное представление. Для меня, взрослого, мир детства — это еще и какой-то ирреальный, чудесный мир, о котором я, как мальчишник — не могу увидеть этот мир глазами ребенка. Ведь я всматриваюсь в него своими сегодняшними глазами.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Этот слова В. Толенева я вспомнил, глядя на его картину «Улицы детства». На яблоне сидят маленьчи, а снизу крону дерева виден город, где все здания, как будто, тают в солнце, — вот действительности. Этот город воспоминаний, город, живущий в душе художника. А тот, кто сидит на яблоне, глядящий на яблоне, видит синеву кроны, что-то совсем другое.

— Он живет в то время писал только натюрморты работы, — рассказывала художница, — и был пассивен по отношению к миру, в котором он жил. К концу пяти-шести лет я пытаюсь преодолеть барьер чрезмерной зависимости от натюрмортов, — говорит Борис Толенев. — Это не только очень трудно, но и мучительно. В 1967 году на Всесоюзной выставке я показал свою картину «Линия». Я написал синью траву, розовую дорогу... Помалу, это перерастало в краски, и я начал вспоминать в какой-то мере подчинить себе настрой...

Рассказывает Толенев великолепно. Картины «Улицы детства» он вынашивал около пяти лет, а писал почти два года. Радужные краски, у которых есть характер, — цвета, например, «Розового утра». Но счастливые, золотые, замечает он, быстрые краски рождаются сами.

«...Во всем мне хочется дойти до самой сути...» — сказал поэт. И чем больше я смотрю на работы художника, тем неутоленнее его желания проникнуть синеву, конкретную оболочку в глубину сути предметов и явлений...

— Для меня сейчас один из образцов этого плана — это картина Валерия Толенева романа Леонида Леонова «Русский лес». Это не просто точное описание природы, это эмоциональное единение автора достичь абсолютного единства в раскрытии общечеловеческой сущности, в выражении глубинной конкретности каждого события, каждого характера. О таком единстве любок художник может только мечтать...

Борис АНДРЕЕВ